

Р.Г. Илаев

Кронштадтские этюды...

Владикавказ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Руслан Георгиевич Илаев

Кронштадтские этюды...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70563703

SelfPub; 2024

Аннотация

Книга состоит из четырнадцати рассказов. Рассказы написаны в подчеркнуто гротескном изложении. Происходит сочетание смешного и обыденного, с острокомедийными ситуациями и с изрядной долей самоиронии. Действия рассказов происходят в Севастополе, Ленинграде (Санкт-Петербурге) и Кронштадте в период развитого социализма и его внезапного заката. Автор дает широкий охватывающий анализ службы офицеров в ВМФ СССР и в повседневных житейских условиях в намеренном юмористическом изображении, что делает книгу интересной для широкого круга читателей.

Содержание

Начальник розыска	4
Лейтенант Силин	20
Телевизионный мастер	31
Дядя Слава	43
Поликлиника	55
Виктория Гессель	72
Бригада	86
Катя	97
Земляки	105
Офицеры	119
Интересные встречи -Севастополь	130
Интересные встречи – Санкт-Петербург	136
Танцы с волками	145
Начало	152
Биография	162

Руслан Илаев

Кронштадтские этюды...

Начальник розыска

Первый из земляков, с кем я познакомился в Кронштадте, был Галаев Хамзат, чеченец из Надтеречного района Чечено-Ингушской АССР, старше меня по возрасту года на два, с орлиным носом и голубыми глазами. Внешность у него была колоритная: орлиный нос, голубые глаза, чуть выше среднего роста, стройный и худощавый, он мог претендовать на звание «красавец мужчина», но все портили его отталкивающе тонкие губы, да еще и с постоянным синим холодным отливом – признак человека жесткого, а порой и жестокого. Взгляд его глаз тоже не вызывал положительных эмоций – пронзительный, немигающий, с врожденным недоверчивым выражением. В кронштадтском РОВД он с 1975 года, начал с участкового уполномоченного милиции, затем перешел в ОБХСС (отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности) рядовым сотрудником, а уже через три года возглавил его. Вот в этой должности наше знакомство и состоялось при весьма интересных обстоятельствах.

В 1981 году мне шел двадцать восьмой год, когда по насто-

янию родителей женился, исполнив, наконец, их волю. Произошло это в мой очередной осенний отпуск, благо он составлял по продолжительности сорок пять суток. Будущая супруга была уроженкой города Владикавказа – Осетинка с «Осетинки», так в народе называли один из районов на южной стороне столицы Северной Осетии. Окончив стоматологический факультет, она третий год работала врачом-стоматологом в одной из клиник города. На момент нашей свадьбы в сентябре 1981 года ей исполнилось двадцать четыре года. Правда, вначале меня познакомили с другой девушкой, тоже Осетинкой, и у меня были очень даже серьезные намерения в отношении этой красивой студентки шестого курса Северо-Осетинского медицинского института. Однако все испортила она сама же, когда вышла ко мне из дома в сопровождении своего младшего брата. Лишь взглянув на подростка, понял, что он болен неизлечимой наследственной болезнью-синдромом Дауна. Я молча ретировался...

Через год в Севастополе родилась Дзерасса – моя старшая дочь, а еще через два месяца я перевелся в Кронштадт – главный оплот Ленинградской военно-морской базы, где появилась на свет моя вторая дочь Зарина. Три года мы жили на съемной квартире у тети Даши на улице Советской, пока Тамара Ивановна – супруга Виктора Александровича Гокинаева – командира кронштадтской дивизии, настойчиво не напомнила ему о предоставлении мне квартиры на шестнадцатом квартале, где только что возвели очередную девяти-

тиэтажную домину для офицеров кронштадтского гарнизона. Получить квартиру – всегда радостное событие для семьи, девочки были очень довольны. Но новые квартиры всегда требуют дальнейшего благоустройства и дополнительных финансовых затрат.

Еще занимая должность начальника медицинской службы на береговой базе дивизии, перезнакомился со всем офицерским и мичманским составом подразделения. И однажды оказался на складе у знакомого мичмана-баталера, когда увидел груды скопившегося за годы его службы паркета. Паркет дубовый и буковый исчислялся в квадратных метрах и каждый метр скручивался отдельно мягкой проволокой. Однако условия хранения его оставляли желать лучшего, и часть паркета пришла в негодность. Мой знакомый мичман списал годами лежавший хлам, но выбросить жалел.

О паркете на складе я вспомнил, когда с женой первый раз переступил порог новой квартиры. Полы в комнатах были выложены из сбитых и едва стесанных грубых досок, покрашенных коричневой масляной краской. В 52 ПНС (пост наблюдения и связи) служил чеченец огромного телосложения Байсангуев Шаму, которого я и подключил отобрать из этого сгнившего мусора на складе стоящие и годные к использованию паркетины в обе комнаты, из расчета, что в зале будет дубовый настил, а в меньшей комнате – из бука. Шаму управился за два дня, и подогнав санитарный УАЗик, мы привезли отобранные им изделия ко мне на квартиру. И тут Бай-

сангуев меня обрадовал. Оказывается, до призыва на воинскую службу ему приходилось собирать паркетный пол у себя дома, и он объявил мне, что обе комнаты он мне покроет на память о себе, но с одним условием. Не знаю почему, но все выходцы с Северного Кавказа предпочитали работу в милиции. Думаю, их притягивала в первую очередь власть и уважение со стороны близких и окружающих из села или района, но более всего – отсутствие физической работы. Но в органы принимали после службы в армии или на флоте, и обязательным условием было наличие членства в партии, в коммунистической, разумеется. Так вот, его просьбой было помочь ему уйти со срочной службы коммунистом. Парню было хорошо известно, что секретарем партийной организации бригады являюсь я, а 53 ПРС, где он проходил службу, входило в состав нашей бригады. Пришлось согласиться с его доводами. Паркет он уложил за десять дней, однако на пятые сутки его работы в квартиру позвонили. На пороге стоял небритый мужчина с добродушным выражением лица. Он представился новым соседом и попросил показать, каким способом Шаму укладывает паркет – на клей или прибивает гвоздиками. Байсангуев пропустил его в квартиру и по простоте душевной подробно стал объяснять ему свою методику укладки паркета.

На следующий день мне раздался звонок от дежурного по части, он объяснил, что меня приглашают в отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности городско-

го отдела милиции. Вот так состоялась мое первое знакомство с начальником отдела Галаевым Хамзатом. В ходе нашего разговора объяснил ему, что паркет списанный и на учете у мичмана – баталера не состоит, что легко можно проверить по его ведомости на списание. Хамзату также стало известно, что укладывал паркет чеченец Байсангуев – его земляк, и вскоре беседа перешла в русло неторопливого углубленного знакомства. Мы начали рассказывать- каждый о себе, о семье, о детях, о работе. Через час он пригласил меня пообедать в местное кафе, предварительно позвав кого-то еще. Этот «кого-то еще» оказался прокурором Кронштадта, и звали его Миша Головатов. Молодой парень моего возраста, вполне коммуникабельный. Хамзат со смехом рассказал ему, как матрос Байсангуев впустил в квартиру осведомителя и еще полчаса объяснял ему свою методику укладки паркета. И кому объяснял?! Мастеру по укладке паркета по кличке «Лис»! Хамзат откровенно объяснил, что таким образом «Лис» устранял конкурентов. Оказывается, он донес в ОБХСС еще на пятерых квартиросъёмщиков в нашем доме, которые также укладывали паркет. Я заказал еще водки и в этот день на работу уже не пошел, как, впрочем, и мои новые товарищи. Зато капитально познакомился с начальником ОБХСС и прокурором города. Где-то через час к нам присоединился Карпов Николай – бывший сотрудник прокуратуры, ныне адвокат. Так завязалась наша дружба.

Что касается хитрого «Лиса», так ему в соседнем подъез-

де через три дня крепко досталось от «конкурентов». У него оказались сломанными несколько ребер и повреждена, вроде, правая рука – больше он в нашем доме паркет не укладывал. Меня об этом сосед по этажу проинформировал – капитан первого ранга Сергей Иванов, командир 42 ВШМС (Высшая школа мичманов и старшин). Таковы они издержки жестокой рыночной экономики.

Из последующих разговоров с Галаевым Хамзатом узнал, что представители его фамилии и рода относятся к тейпу «Терскхол» и проживают в основном в Надтеречном районе в районном центре Знаменское, расположенном на берегу Терека, где тянутся вдоль реки километры камыша. Они называются камышовыми плавнями, где водятся кабаны в неисчислимом множестве, ибо чеченцы свинину не едят, и потому они размножаются вопреки всем законам природы. Это, кстати, относится и к диким уткам и гусям. Хамзат утверждал также, что на озерах часто видел лебедей, аистов, цаплю и даже чаек с Каспийского моря. Отец его до выхода на пенсию работал фотографом. А всего их в семье было пятеро детей, еще две старшие замужние сестры и три брата, из которых он был старшим по возрасту. К Хамзату ежегодно приезжали на охоту в знаменские камышовые плавни его непосредственные начальники из милиции, вот чем объяснялся его взлет в карьере. Представьте себе, что из всех, кто приезжал к нему в гости – даже самые никудышные охотники не возвращались без убитого дикого кабана, ибо их в

плавнях столько развелось, что они сами бросались под ноги стрелкам по принципу: «стреляй в меня – не хочу» ...

Мало того, что его карьера пошла в рост, он и родного брата устроил в милицию в один из районов Ленинграда. Звали его Хасан, и был он совершенно рыжий, я как-то застал его в гостях у Хамзата. Он как раз перешел в уголовный розыск, эта работа ему больше всего нравилась, он занимался вольной борьбой по молодости и теперь с легкостью вышибал двери на «малинах», затем избивал воров в «законе» и без закона, и лишь потом надевал наручники на одуревших от побоев задержанных. Так вот, я застал их за беседой, когда старший брат втирал ему в мозги прописные истины, что, если не знаешь количества людей за взламываемой дверью и наличием у преступников оружия, надо проявлять хоть какую-то осторожность. Хасан, оказывается, за последнюю операцию получил именные наручные часы «Луч» с гравировкой от начальника управления внутренних дел Ленинграда и Ленинградской области генерал – лейтенанта Крамарева. Думаю, Хамзату было чуть-чуть завидно, хотя, наверное, он все же испытывал гордость за брата – фамилия-то у них была одна. Часы Хасан отдал брату на «хранение», а часть полученной премии мы в тот же вечер «приговорили».

Хамзат был женат на своей односельчанке, звали ее Мадина Исхановна. Она работала бухгалтером в отделе культуры при кронштадтском исполкоме, где ее отчество производилось в несколько измененной форме – Мадина Иванов-

на. Мадина была привлекательной и коммуникабельной чеченкой, синеглазой блондинкой с неунывающим при любых неудобных обстоятельствах характером. Она и детям перекроила имена на русский лад: имя старшего сына Джамаллаудина превратилось в Джоника, дочь Марьям в школе стали называть Мариной, а самый младший Ильяс стал Илюшей. С чувством юмора Мадина всегда была на «ты», что ощущалось особенно при общении с ней. Как много значат женщины такого типа в сохранении благополучия в отношениях, я понял значительно позже.

Семья Хамзата дополнялась многочисленными племянниками, количество которых постоянно менялось, он пристраивал их на учебу или же на престижную работу. Своего племянника – сына старшей сестры, он устроил участковым уполномоченным в кронштадтском РОВД, звали его Асланбек. Кучерявый, смуглый и чем-то похожий на цыгана, только отслужил в армии, когда его забрали в Ленинград, где Асланбек поступил сразу же на первый курс заочного отделения юридического факультета. Правда, пробыл он в участковых недолго, и все по собственной глупости. Пока он на службе носил форму, вел себя весьма скромно и чинно. Однако, переодевшись в гражданское, резко менял свое амплуа ревнителя закона на дебошира и пьяницу, а дальше в несомненном сопровождении шли девушки легкого поведения и драки, заканчивающиеся задержанием и препровождением. После четвертого эксцесса терпение Хамзата лопнуло, и

Асланбек с позором был отправлен домой как не выдержавший испытательного срока.

Магомед, следующий племянник Хамзата, был сыном младшего брата его отца и являлся единственным персонажем, которому я искренне желал успеха и удачи. Высокий смуглый брюнет – его мамой была узбечка, он производил приятное впечатление неподдельной скромностью, послушанием и почитанием старших. Он отказался быть юристом и выбрал Ленинградский политехнический институт, куда, кстати, поступил своими стараниями и силами, ибо обладал хорошей образовательной базой и окончил Знаменскую среднюю общеобразовательную школу на серебряную медаль. Он уже был студентом четвертого курса, когда произошли непредвиденные события, невольным свидетелем которых я стал. Выделяясь своей весьма эпатажной внешностью, он не мог не привлекать к себе внимание слабого пола, как среди однокурсниц по учебе, так и из окружающих его лиц в месте постоянного проживания, то есть в Кронштадте. Но однокурсницы его не привлекали ввиду своей молодости, неопытности и наличия девственности, что означало-вначале под венец, а потом – все остальное...

Но однажды в магазине он увидел высокую красивую блондинку, которая подарила ему лучезарную улыбку, показав ровный ряд белоснежных зубов, от чего Магомед сразу же потерял голову и покой. Они познакомились. Таня – так звали блондинку, была старше его на четыре года и к тому же

замужем за водителем-дальнобойщиком. Они с мужем проживали на 19-ом квартале на окраине Кронштадта, и там же в детском саду она работала воспитательницей. Замужем она была два года, но детьми пока не обзавелась. Раньше она с сестрой проживала в общежитии для строителей всесоюзной стройки – защитных сооружений от наводнений в Ленинграде, то есть кронштадтской дамбы. Они были родом из Молдавии, гагаузы по национальности – была такая немногочисленная народность на территории Союзной Республики. А на третий год вышла замуж за водителя-дальнобойщика, возившего товары по всем дорогам и уголкам нашей огромной страны. Он часто отсутствовал, а красавице так не хватало мужского внимания. А тут – молодой кавказец под два метра ростом, перед которым Таня и не устояла, закрутив с Магомедом роман. Жила она на втором этаже высотного длинного девятиэтажного дома, который мы, старожилы Кронштадта, называли «китайской стеной», ибо в этих огромных домах было до двенадцати подъездов, а длина каждого дома составляла более двухсот метров.

Молодая женщина была к тому же большой выдумщицей, не лишенной девичьего романтизма, предложила Магомеду сложную и заумную систему встреч: когда в окне на подоконнике стоял горшок с декоративным кактусом, это означало, что мужа дома нет и можно входить. «Входить»

– еще громко сказано, ибо, по сути, это не означало войти в двери, а нужно было по пожарной лестнице подняться

до уровня второго этажа и встать левой ногой на карниз, левой же рукой ухватиться за раму предварительно открытого ею окна и затем проникнуть внутрь. Магомед поделился со мной о знакомстве с неотразимой блондинкой, рассказал о пожарной лестнице, о кактусе, карнизе и окне. Мне это почему-то очень не понравилось, и я выразил свои подозрения и неудовольствие вслух:

– Зачем надо подниматься по пожарной лестнице и затем лезть через окно, если спокойно можно войти в дверь ее квартиры в подъезде? Ведь ты подвергаешь свою жизнь опасности, а если, допустим, пойдет дождь карниз намокнет, и твоя нога соскользнет с него? И где гарантия, что тебя никто не заметит во время твоих цирковых изощрений. Да любой увидевший тебя на карнизе, несомненно, подумает и предположит, что ты проникаешь в квартиру ограбить ее или же для прелюбодеяния в качестве любовника. Что в данном случае одинаково опасно. Естественно, в конечном итоге ее мужу станет известно о твоих ночных вояжах, и я уже заранее предвижу печальный исход этой истории. Поэтому хотел бы тебя предостеречь от неминуемой опасности, ибо все это мне почему-то очень даже не нравится.

К сожалению, Магомед не прислушался к моим словам и продолжил общение с этой вальяжной особой. И как итог, все пошло по сценарию, который я и предполагал. Кто-то из соседей заметил, как некто систематически влезает в окно к Татьяне, и поставил рогиносца в известность. Скорее всего

последовало бурное разбирательство, затем признание и раскаяние в содеянном. Призналась она и в наличии условного знака – горшке с кактусом на подоконнике. И вот обманутый муж в следующую ночь выставил злополучный кактус на место, гарантирующий пылкому любовнику очередную безопасность. Оскорбленный рогоносец, обмотав большой молоток тремя полотенцами, затаился за шторами, предварительно открыв окно и выключив освещение в комнате. Ничего не подозревавший Магомед спокойно поднялся по пожарной лестнице и шагнул на карниз будущих фатальных испытаний. И когда он в эйфории от предстоящей близости взялся за раму открытого окна для очередного проникновения в чужую частную собственность, внезапно получил мощнейший удар по лбу обмотанным орудием преступления. Как подрубленное дерево рухнул он на спину с высоты второго этажа, но нашел в себе силы и, прихрамывая, бросился наутек. Ночью у него началась рвота и сильные головные боли, о чем Хамзат немедленно меня оповестил. Вот тогда-то от первого лица мне и стали известны все подробности происшедшего вечером события. Пришлось вызывать скорую помощь и срочно госпитализировать его в неврологическое отделение военно-морского госпиталя с диагнозом «тяжелое сотрясение головного мозга», вызванное случайным падением с высоты более трех метров. Легенду о его падении с высоты сочинили на ходу. Заведующий отделением подполковник медицинской службы Аносов Петя, мой хороший

приятель, отнеся к Магомеду с большим вниманием и сразу приступил к симптоматическому лечению основной причины заболевания. Однако, пролечившись в больнице десять дней, наш подопечный вдруг начал проявлять активность по своей досрочной выписке из стационара. Аносов категорически возражал, утверждая, что больному необходимо пролежать еще не менее месяца на барбитуратах, и что поведение Магомеда есть не что иное, как усиление реактивного состояния, вызванного тяжелым сотрясением мозга. Преждевременная выписка, утверждал Петя Аносов, может привести к необратимым органическим нарушениям головного мозга, а это уже относится к разряду психических заболеваний. Я полностью согласился с его доводами и немедленно вызвал Хамзата в госпиталь, кратко объяснив ему суть сложившейся ситуации. Но все увещевания остаться на продолжение лечения Магомед категорически отверг, уверяя нас, что он великолепно себя чувствует:

– Сейчас мои однокурсники находятся на сельскохозяйственной практике в Ломоносовском совхозе, и я должен быть с ними на уборке помидоров, не могу я здесь прохлаждаться, когда они там работают...

И ведь настоял на своем, а утром следующего дня убыл в Ломоносовский совхоз, где работали его сокурсники на сборе помидоров. Он проработал пять дней, когда однажды вечером мне вновь позвонил Хамзат. Встревоженным испуганным голосом он сообщил, что Магомеда прямо с поля отпра-

вили в психиатрическую больницу. Попросил вместе с ним проехать в это злополучное медицинское учреждение. В машине к нам присоединился еще один наш приятель Алихан Яхдиев – ингуш родом из Назрани, работавший телевизионным мастером в кронштадтском телеателье, который немедленно откликнулся на постигшее друга горе. Магомеда мы застали в палате, где он сидел безучастно и отрешенно смотрел в одну точку, абсолютно равнодушным взглядом. Таким же образом он отнесся к нашему приходу, то есть никак не реагируя, чем привел нас в глубокое волнение и расстройство. Дрожащими руками Хамзат налил в стакан из бутылки кефир и попытался его поднести Магомеду прямо в рот. Кефир стекал ему на подбородок и далее – на больничный халат, но он не сделал ни одного глотка, оставаясь невосприимчивым к его попыткам. Произошло то, о чем предупреждал врач-невролог Петя Аносов – необратимое органическое нарушение в головном мозге, приведшее к заболеванию психики. Вероятнее всего, работая в совхозе, Магомед подавал тяжелые ящики с помидорами в кузов машины, что и спровоцировало обострение болезни. Подавленные и убитые увиденным, молча возвращались мы в Кронштадт.

В тот же вечер Хамзат позвонил отцу Магомеда – младшему брату своего отца и как мог, объяснил ситуацию, попросил приехать по возможности незамедлительно. А через три дня я им же был весьма настойчиво приглашен к нему на дом, где застал родителей Магомеда в крайнем расстрой-

стве и возмущении. Двери открыла Мадина, и, раздеваясь в прихожей, я услышал доносившийся из зала резкий, не терпящий возражения, мужской голос:

– Хамзат, мы отдали тебе сына абсолютно здоровым, а получили его больным и немощным. Ты виноват во всем и тебе придется за все отвечать, а печать твоей вины будет лежать на тебе всю жизнь...

В конце монолога я и вошел. Хозяин квартиры с благодарностью кивнул мне головой. Я подошел к сидящему в кресле старшему по возрасту мужчине и, вежливо представившись, поздоровался со всеми присутствующими. Затем тихо присел на стул, стоящий в отдалении у стены.

– Умар, – оправдывался смущенный Хамзат, – я своей вины не отрицаю, но Магомед – взрослый парень, ему исполнился двадцать один год. Я умоляю тебя, послушай, что скажет Руслан, он осетин, военный врач и знает практически все от начала и до конца по этому случаю и даже больше, чем я. Руслан, расскажи ему, с чего все началось...

Я согласился, но при условии, что беседовать с Умаром мы будем наедине, без его жены и самого хозяина дома, то есть Хамзата. Мы уединились в соседнюю комнату, где я подробно изложил Умару всю историю с Магомедом, ничего не утаивая, ответил на множество вопросов. Разговор занял полтора часа...

Сына убитые горем родители забрали домой в Знаменское. Хамзат позже как-то вспомнил, что они его женили

на односельчанке. Мулла предположил, что, возможно, это приведет его голову в порядок, но инициатива священнослужителя оказалось бесполезным мероприятием. Женой он абсолютно не интересовался, и через год она вернулась в отчий дом в том же непорочном состоянии, что и пришла. А на пороге уже были лихие девяностые. Затем – первая и вторая чеченские войны, а когда прошло время смуты и положение в стране стабилизировалось, мна было уже не до Магомеда. Времена настали тяжелые, каждый думал в первую очередь о своих близких, и как-то само собой все стороннее отошло на второй план. А после отъезда с семьей в Осетию я окончательно потерял связь с Кронштадтом и его жителями.

Лейтенант Силин

В августе 1982 года я был переведен с Черноморского флота в распоряжение командира Ленинградской военно-морской базы, где сразу же вступил в должность начальника медицинской части береговой базы шестой дивизии учебных кораблей Ленинградской ВМБ, располагавшейся на острове Котлин в Финском заливе, практически примыкающем к устью Невы. Но в миру это место более известно по названию города и бывшей военно-морской базы, как Кронштадт, где мне предстояло теперь служить.

Четырнадцать лет службы на кораблях, где никогда не пахло ароматом женских духов, а стояли устоявшиеся законы военно-морского устава и стандартные запахи «Тройного одеколона» и «Шипра» от матросов срочников, наконец-то остались далеко позади. И все времена года я мог теперь перемещаться по твердой земле и с любопытством созерцать воочию прелестные женские фигуры, грациозно проходящие мимо меня, не думая и не предполагая, что за леерными ограждениями, как всегда, глубокое море, а все остальное мои фантазии. Позади остались корабли матросы, мичмана и офицеры, выходы в море на восемь месяцев или на полгода. Больше не будет штормов и морской болезни, которую я не переносил и ненавидел.

На должности начальника медицинской части береговой базы я смог продержаться, однако, не больше семи месяцев, и в этом было виновато ее предназначение – снабжение всеми видами довольствия кораблей и подводных лодок, базировавшихся в Кронштадте и находившихся на ремонте и в доках военно-морского завода. В мои обязанности входило снабжение медицинских служб указанных корабельных подразделений 960 этиловым спиртом и расходными медикаментами, что я исправно и делал. Спирта медицинского было много, даже чересчур много, поэтому ко мне часто заходили все любители дармового алкоголя – от мичманов до капитанов первого ранга. Затем шла масса проверявших меня начальников различных инстанций и рангов. Вот тогда и обратил внимание, какое количество офицеров славного города превратилось в обыкновенных алкоголиков и вымогателей, использовавших свое служебное положение. Не могу вспомнить ни одной фамилии из этого контингента проверяющих, но одна все же в памяти осталась, и вот почему. Фамилия его была очень странной, поэтому, наверное, и запомнил ее – Юнгмейстер. Кто он был, обрусевший немец или еврей, мне установить так и не удалось, но как он пил мой этиловый спирт и в каких дозах?! Он с точностью профессионала-аптекаря, на глаз, мог разбавить спирт дистиллированной водой, превращая его в водку. Но в одиночку не пил, заставляя меня своим званием и должностью принимать те же дозы, что и он. Дозы были велики, а время приема по продолжи-

тельности составляло от трех до пяти часов. Он никогда не закусывал, только непрерывно курил свой «Беломорканал» -тяжелые папиросы без фильтра, что производили на заводе Урицкого в Ленинграде с середины тридцатых годов. Но этого алкоголика я все же уважал за то, что он хотя бы не был вором, как многие из медицинских начальников того периода. Но дальше так продолжаться не могло – здоровье явно начало сдавать, и в начале апреля я обратился напрямую к своему непосредственному начальнику медицинской службы Ленинградской военно-морской базы:

– Виталий Сергеевич, – взмолился я, – очень прошу перевести меня флагманским врачом в 104 бригаду кораблей охраны водного района Ленинградской военно-морской базы, куда Вы меня ранее и планировали, ибо служить на береговой базе более не могу – там элементарно можно спиться...

Вкратце, не скрывая ничего, объективно и честно изложил Ласкавому ситуацию в медицинской службе береговой базы и обосновал невозможность дальнейшей моей службы там.

Виталий Сергеевич торжествующе усмехнулся:

– Можно подумать, Руслан, ты мне Америку открыл. Вот что бывает, когда старших товарищей не слушают. Мне ведь все это известно было и раньше, почему я и хотел сразу тебя на флагманскую должность назначить. Объясни, почему ты сразу не согласился на мое предложение? Какова причина твоего упрямства?

–Виталий Сергеевич, я пять лет безвылазно находился в 5-ой Средиземноморской эскадре, и любое напоминание о кораблях и море вызывало у меня тошноту, ибо так и не научился переносить морскую болезнь. Вот и купился названием «береговая база», больше ничего...

Ласкавый громко рассмеялся на мое откровенное объяснение, думаю, он предполагал нечто иное. И был рад, что ошибся в своем предположении.

Через два дня я был назначен приказом командира Ленинградской базы флагманским врачом войсковой части 22830 – бригады кораблей охраны водного района Ленинградской военно-морской базы, а на мое место перевели Ваню Капылова с учебного корабля «Перекоп».

От береговой базы до места моего нового назначения было не более двухсот метров. Штаб сто четвертой бригады кораблей охраны водного района находился в трехэтажном особняке, принадлежавшем в 18-ом веке князю Александру Меншикову – сподвижнику Петра-I, а затем втридорога проданном им же военно-морскому ведомству. Мы называли его Итальянским дворцом, другие дворцом Меншикова. В помещениях фасада здания-на первом этаже располагался Особый Отдел Кронштадтского гарнизона. В левом крыле находился штаб дивизии учебных кораблей, а по соседству – наш штаб 104-ой бригады. В правом крыле дворца располагался Дом офицеров и там же – наш ведомственный ресторан. Вокруг здания проходили искусственные каналы – Обводной и

канал Петра-I. Справа от здания дворца – Синий мост, переброшенный через Обводной канал, а через канал Петра-I проходил Разводной мост. Перед фасадом дворца Меншикова стоял бронзовый памятник Пахтусову Петру Кузьмичу – исследователю Арктики. За памятником располагался Итальянский пруд, а за ним – постройки продовольственных складов гарнизона.

Наш штаб сто четвертой бригады надводных кораблей ОВР-а, занимал второй этаж левого крыла дворца и имел отдельный вход. Один из огромных кабинетов был выделен нам – четверем штабным офицерам, флагманским специалистам бригады: флагманскому «химику» Саше Сапогову, флагманскому связисту Васе Баранову, флагманскому специалисту по РТС (радиотехнической служба) Володе Трофимову и мне, флагманскому врачу. Через месяц мы знали друг о друге практически все, сдружились, то есть прошли боевое слаживание. Этому способствовало и то, что мы обучались по одной единой советской системе подготовке в военных ВУЗ-ах, да и были мы, практически, все четверо одноклассниками. Короче одинаковый возраст и общие интересы нас сблизили и подружили. Бригада состояла из трех дивизионов: 23 – дивизион больших и средних тральщиков, 122-дивизион малых тральщиков и 12 – дивизион малых противолодочных кораблей. Наши корабли стояли в Средней гавани на Петровской пристани. С утра флагманские специалисты отправлялись на корабли, проверяя свои подразде-

ления в части касающейся, проводили опрос жалоб и заявлений у личного состава, выборочные телесные осмотры на предмет неуставных взаимоотношений и многое другое, что было предусмотрено военно-морским уставом и приказами старших начальников. Через полгода я уже знал в лицо весь личный состав бригады, командиров дивизионов и групп на кораблях бригады. Даже сейчас помню, что 23 – дивизион возглавлял – капитан второго ранга Хохлов, 12 – дивизион – капитан-лейтенант Карабанов, а 122 – дивизион – капитан третьего ранга Бугло.

Все было хорошо и без особых проблем, пока в бригаде не появился старший лейтенант Силин – офицер ЗАС (Закрытая автоматизированная связь). Он окончил Краснодарское военное училище связи, и его направили служить на Балтийский флот, а конкретнее в нашу бригаду. И надо было так случиться, что его определили к нам в кабинет. Ну и что, поставили еще один стол в наш огромный кабинет, и даже не заметили нового прибавления в наш маленький коллектив. Силина звали Виктором, и был он значительно младше любого из нас. Относились к нему снисходительно и доброжелательно, как принято относиться друг к другу на флоте. Витя рассказал, что женат и имеет дочь. Жена наполовину армянка, отец – краснодарский армянин, мама – местная кубанская казачка. Сам Витя был родом с Урала, недалеко от Челябинска проживали его родители. Худенький стройный старший лейтенант с короткой стрижкой и наивными

глазами, он сразу вписался в наш «флагманский» коллектив. Скромный и вежливый, он произвел хорошее впечатление на штабных офицеров и мичманов. Мы все были ранее старшими лейтенантами и нас также обучали и оберегали старшие товарищи по совместной службе. Короче, Силин Витя пришелся ко двору...

Помимо трех дивизионов в состав нашей бригады входил еще 53 ПРС (пост наблюдения и связи). Находился он на третьем этаже Дворца Меншикова, а вход к нему шел с внутреннего двора по винтовой лестнице. Наши флагманские офицеры поочередно заступали дежурными по ПРС в соответствии с графиком. Как-то утром на моем столе зазвонил телефон. Я поднес тяжеленную трубку к уху и сразу же узнал Васю Баранова. С какой-то ехидной усмешкой он обратился ко мне:

– Хочешь, Руслан, я тебя сейчас рассмешу... «Флагманский врач рассказал антисоветский анекдот в кабинете флагманским специалистам бригады, присутствовали Сапогов, Баранов, Трофимов. Краткое содержание анекдота...». Это про тебя, но есть и обо мне, вот послушай. «Баранов во время рабочего дня нес на плече ковер, купленный в Гостином Дворе...». «Командир 122 дивизиона Бугло хранит секретную литературу в правом верхнем ящике стола...». Поднимайся ко мне, здесь еще много интересного.

И тут он меня ошарашил, назвав хозяина забытой записной книжки. «Фолиант» -то принадлежал нашему скромно-

му и вежливому старшему лейтенанту Виктору Силину. Я немедленно поднялся к Васе, и стал подробно изучать содержимое записной книжки в его присутствии. В ней содержалась подробная негативная информация не менее чем на двадцать офицеров и мичманов нашей бригады. Возмущение и негодование охватили меня. Мы к нему со всей душой и сочувствием, а он-то оказывается «засланный казачок»! Вася Баранов расстроенный не менее моего, смотрит на меня вопросительно:

– Руслан, ну, что делать будем с записной книжкой?

– Василий, делать ты ничего не будешь, делать буду я. Во-первых, ознакомлю с содержанием «трудов» этого негодяя всех штабных офицеров, затем – дивизионных офицеров и мичманов, чтобы он больше не занимался этой мерзостью у нас, а лучше всего, если уйдет из бригады вон. Хотя, очень сомневаюсь, что он уйдет куда-то, такие случайные люди на флоте – весьма ценный и дефицитный товар, кто-то же их бережет и пользуется. Три последующих дня я знакомил с содержимым записной книжки всех офицеров и мичманов бригады, чтобы они сделали правильные выводы в отношении молодого офицера. Более всего возмущался командир 122 дивизиона тральщиков Вячеслав Бугло:

– Представь, Руслан, я его здесь кофе угощал и конфетами с печеньем, а когда вышел из каюты ненадолго, он мне по ящикам стола прошелся, ну и как с ним дальше работать?!

– Послушай, Слава, не ты его назначал и не тебе его сни-

мать. Такие люди сами не уходят, его наверняка кто-то из «сильных мира» поддерживает, но мы этого никогда не узнаем. Но, как у нас говорят-проинформирован, значит вооружен. Хуже было бы, если бы он свою записную книжку не оставил у дежурного, а Вася не любопытствовал, что в ней и чья она. Поживем – увидим. Вроде весь твой офицерский и мичманский состав о его проделках ознакомил. А это многого стоит.

Но я ошибался. После того, как я, покинув 122 дивизион, вернулся в штаб, раздался настойчивый телефонный звонок:

– Руслан Георгиевич, с Вами говорит капитан первого ранга Суриков Виктор Леонидович, Вы меня знаете? Занесите мне, пожалуйста, записную книжку старшего лейтенанта Силина Виктора. Вы же с ней всю бригаду ознакомили, не так ли?

– Никак нет, Виктор Леонидович, остался офицерский и мичманский состав 23 дивизиона, вот ознакомлю их с содержанием и сразу же ее Вам передам.

– Руслан Георгиевич, настоятельно рекомендую Вам сейчас же принести мне записную книжку и прекратить дальнейшее ознакомление с нею офицеров бригады. Кстати, помимо его глупых записей, нет ли там записей по работе ЗАС?

– Нет, Виктор Леонидович, записей по работе ЗАС не видел, но записную книжку Силина принесу Вам завтра, сами и посмотрите.

Я понимал, что, не выполнив указаний Виктора Леони-

довича, наживал себе в его лице серьезного врага. Тем не менее, в тот же день пошел и довел до сведения офицеров и мичманов 23 дивизиона информацию, содержащуюся в записной книжке. Заодно предупредил, чтобы остерегались Силина в дальнейшем.

Утром следующего дня направился к начальнику особого отдела Кронштадтского гарнизона. Мои друзья-флагмана смотрели на меня с нескрываемым страхом и озабоченностью, они дословно слышали мои переговоры с Виктором Леонидовичем и его предложение зайти к нему в кабинет еще вчера.

Начальник особого отдела выразил мне неудовольствие по поводу моей инициативы с записной книжкой Силина и отпустил после краткого наставления и порицания.

А что же Виктор Силин, как сложилась его судьба в дальнейшем? Старший лейтенант будет сидеть невозмутимо с нами в кабинете еще два года, затем перейдет в Кронштадтскую дивизию, но в этом же 1987 году я поступлю на командный факультет руководящего медицинского состава при военно-медицинской академии им. С.М. Кирова и больше никогда его не увижу. Перед отъездом на свою малую родину в 2002 году я случайно услышал от Саши Сапогова, что Силин из Кронштадтской дивизии вначале попал в Ленинградскую военно-морскую базу, а затем его перевели в Москву, где он в звании капитана первого ранга вышел в отставку и там же остался на постоянное место жительства.

В 1990 году Виктора Леонидовича Сурикова депутаты изберут председателем Кронштадтского районного Совета народных депутатов, а в августе 1991 года выдвинут главой администрации местного самоуправления г. Кронштадта, тогда же и меня – депутата районного Собрания они предложат на должность заместителя главы администрации г. Кронштадта, но Суриков Виктор Леонидович заявит ошарашенным депутатам:

– Любого из вас, кроме Руслана Георгиевича!

Комментировать свое решение присутствующим он откажется. Я также отказался от объяснений. Если он не хочет со мной работать, какой смысл далее продолжать какие-то действия в этом направлении, если они заранее обречены. Ну и зачем депутатам знать о событиях, имевших место шесть лет назад. Главой Администрации Кронштадта Виктор Леонидович проработает 15 лет. Затем в июле 2006 года у него обнаружат онкологическое заболевание, и он подаст в отставку. В августе 2006 года я случайно оказался в Кронштадте по личным делам и посетил его на дому, мы поговорили около десяти минут о том о сем, а перед уходом я пожал его вялую руку и пожелал ему здоровья.

В декабре 2008 года я случайно обнаружил в интернете короткую запись: "сегодня, 18 декабря, на 63-м году жизни после продолжительной болезни скончался бывший глава Кронштадтского района Виктор Леонидович Суриков, сообщает Фонтанка. Ру."

Телевизионный мастер

В Кронштадте, где пересекаются проспект Мира и улица Большевикская, в угловом доме №15/9 располагалась телевизионная мастерская, единственная в нашем городе. То, что телевизионная мастерская единственная в городе, меня не удивляло, а вот то, что телевизионный мастер был ингуш, меня действительно сильно поразило, ибо я лично ранее никогда не встречал телевизионного мастера- ингуша. Алихан Яхдиев – ингуш из Назрани. Среднего роста, худощавый брюнет, смуглый и доброжелательный. Какой-то атипичный ингуш, абсолютно невозмутимый и лишенный любой внешней агрессии. К тому же стеснительный заика. Меня с ним познакомил начальник уголовного розыска чеченец Галаев Хамзат. Алихан по возрасту старше меня лет на 7-8, но никогда этим не злоупотреблял, отношения у нас были ровные и уважительные. Жену его звали Тома, детей у них не было. Она младше его лет на пятнадцать, молодая женщина с яркой красивой внешностью. Может быть, она и была причиной их переезда в Кронштадт? Тома работала одновременно закройщицей и швеёй в ателье пошива верхней женской одежды в Гостином дворе, и, судя по количеству клиентов и отзывов, она была на хорошем счету у женской половины Кронштадта.

У Алихана странная особенность: трезвым от него слова лишнего не услышишь, стесняется своего заикания, но стоило ему выпить, как этот дефект пропадал сам по себе, и он мог говорить громко и внятно. Но в этой особенности таилась и опасность, то есть, когда заикание проходило, не все присутствующие при этом знали, что Алихан уже перешагнул планку и сейчас будет говорить «правду». Но вот беда, меру правде он определял сам. И то, что он затем начал излагать, воспринималось многими как немотивированные оскорбления, вызывающие весьма справедливое негодование. Нам, его хорошим знакомым, это было известно, и мы относились к его изречениям по-философски, с пониманием и добродушной снисходительностью взрослых людей к капризу перебравшего товарища. Мы просто начинали ему поддакивать, и он вскоре успокаивался и опять становится самим собой. А вот видевшим его впервые приходилось туго. Когда подвыпивший Алихан начинал учить их праведной жизни. Они либо ввязывались в ссору, или же старались тотчас уйти.

Жили мы в городе, где население было сборное ассорти. Кронштадт- бывшая военно-морская база, здесь постоянно проживало до сорока тысяч морских офицеров с семьями, и столько же гражданских лиц. Коренных жителей лишь единицы, остальные приезжие. Кронштадт имел особый статус: он – самостоятельный город и одновременно Кронштадтский район города Ленинграда. Ни один город России не

обладал такими достоинствами и правами, как наш. Когда меня избрали депутатом Кронштадтского районного Совета народных депутатов, я имел удостоверение районного Совета народных депутатов и одновременно городского Совета. И власть в Кронштадте была двойная – одновременно военной и «цивильной». Руководство осуществлялось районным комитетом партии с исполкомом и тут же на город распространялась власть начальника Кронштадтского гарнизона.

Например, милиция существовала как исполнительная власть при районном комитете партии, однако комитет государственной безопасности (КГБ) был чисто военно-морским учреждением, где начальником был капитан первого ранга Суриков.

При советской власти и жилось спокойнее, была уверенность в завтрашнем дне, кстати, бомжей и тунеядцев тогда и в помине не было. После избрания меня депутатом Кронштадтского районного Совета народных депутатов Галаев попросил меня помочь Алихану, чтобы из телевизионного мастера «превратить» его в заведующего телеателье. Другими словами, повысить статус его учреждения, увеличив штат дополнительно на два рабочих места. Я помог, и заработная плата Алихана заметно возросла, увеличившись в полтора раза, он стал носить галстук и фетровую шляпу-это мы с Хамзатом посоветовали ему для солидности. Алихан взял на работу еще двух компетентных сотрудников из местных-Володю и Леонида, но сам телевизоры более не чинил-сидел за

отдельным столом и принимал заказы от населения. Вскоре они перешли и на ремонт компьютеров, ноутбуков и множительной техники. Алихан заметно повеселел, работа у него пошла, доходы телеателье заметно повысились, естественно, зарплаты его работников тоже. Даже когда наступили «лихие девяностые», учреждение продолжало приносить ему существенный доход. Единственное, что его угнетало, это отсутствие детей в его семье. Как-то мы сидели у Хамзата дома и мне пришла одна мысль в голову:

– Алихан, а как ты посмотришь на то, чтобы усыновить или удочерить ребенка? Ты бы обсудил с Томой этот вариант, в старости кто-то же должен за вами присматривать...

И вскоре в квартире у Алихана появилась маленькая двухлетняя девочка, через год она уже бегала по комнате и что-то щебетала на ингушском языке. В 1993 году Советский Союз распался на пятнадцать самостоятельных государств. Наступило время смуты и торжества бандитизма. Затем последовали первая и вторая «чеченские войны». Чечня воевала с Россией, желая отделиться и получить самостоятельность, традиционно к ней примкнули Ингушетия и часть республик Северного Кавказа, население которых, исповедовавших ислам. Народам, населявшим Южный федеральный округ, пришлось выбирать – «за Россию или против». Как всегда, Северная Осетия-Алания поддержала Россию в это трудное время, ибо большинство ее народа придерживалось православия. Еще в 1774 года осетины окончательно сделали свой

выбор, добровольно войдя в состав Российской Империи, каждый раз принимая участие во всех войнах, которые она вела. И сейчас осетины воевали на территории Ичкерии в армейских соединениях и в составе внутренних войск, в авиационных частях, включая вертолетные подразделения. У нас появились первые потери среди участников чеченской кампании, как среди личного состава, так и офицерского. Погиб генерал-майор Станислав Васильевич Марзоев – заместитель командующего 58-й Армии Северо-Кавказского военного округа. В марте 2000 года начались заключительные бои в селении Комсомольское Урус-Мартановского района, где боевиками руководил полевой командир Руслан Гелаев. Лишь двадцатого марта группировка бандитов была разгромлена, и селение освобождено, но главарю банды Гелаеву, его заместителю Хачукаеву и еще ста бандитам удалось вырваться из окруженного Комсомольского в ночь с 8-го на 9-ое марта. В освобожденном селении насчитали 816 трупов бандитов и еще 273 боевиков сдались в плен. Две недели боев за Комсомольское окончательно разделили «земляков» в Кронштадте на своих и чужих. Я видел, как Хамзат и Алихан переживали за «своих», думаю, что многие из их родственников принимали участие в этой войне на стороне чеченских сепаратистов. Война в Чечне окончательно определила мнение каждого из нас на происходящие события и постепенно мы стали отдаляться друг от друга. Я не мог не сочувствовать российским войскам, где активно воевали осе-

тины. Все остальное получилось само собой по принципу «кто не с нами, тот против нас». Так в рядах нашего землячества произошел раскол.

Отношения на работе у Алихана с коллективом тоже претерпели изменения не в лучшую сторону. Его работники были русскими и, конечно, не слепыми и глухими. Они отлично знали, кто по национальности их начальник и его друг Галаев Хамзат. Враждебность в отношениях к выходцам с Северного Кавказа усилилась и в самом Кронштадте. Думаю, что именно тогда и появились в Ленинграде первые русские националистические скинхедские организации. Резкому увеличению их численности, несомненно, способствовала война в Чечне, сопутствующая ей неприязнь к выходцам с Кавказа и недостаточная активность правоохранительных органов в борьбе с праворадикальными организациями.

Члены семьи Галаева Хамзата первыми испытали на себе воздействие националистов-скинхедов, когда их четырнадцатилетний сын Ильяс был пойман ими в Ленинграде и избит до полусмерти. Затем они накинули ему на шею веревку и несколько часов волочили его, полузадушенного, по земле. После этого психика у парня сдвинулась, и он больше месяца пролежал в больнице. Из общительного подростка он превратился в замкнутого маленького зверька, ненавидящего окружающих его людей.

В Ленинграде милиция стала требовать паспорта у всех выходцев из Средней Азии и Северного Кавказа, требуя про-

писку у проверяемых. При ее отсутствии их задерживали и препровождали в ближайшие отделения милиции для выяснения личности. Даже меня, шедшего однажды в форме подполковника медицинской службы, остановил в метро сержант милиции, преградив мое дальнейшее движение:

– Предъявите Ваши документы, товарищ подполковник, для осмотра, – и представился, назвав себя сержантом милиции Мухиным.

Я оторопел, ибо никогда не носил удостоверения с собой из-за ненадобности и боязни потерять его случайно. Не скрывая удивления, спрашиваю у сержанта, почему он остановил меня и на каком основании. Отвечает, что у него инструкция от руководства РОВД проверять всех кавказцев, ибо враг хитер и опасен. Далее начинается разыгранный мой монолог, который я привожу дословно:

– Уважаемый, сержант Мухин, документов у меня с собой нет. Но с чего Вы решили, что я кавказец. Я, между прочим, еврей и коренной ленинградец, и зовут меня Лев Давыдович Бронштейн. Вот так-то, сержант Мухин, насчет евреев Вам инструкций не выдавали, надеюсь?

Лицо Мухина недоуменно вытянулось, и он смущенно произнес:

– Извините, товарищ еврей, пожалуйста, можете идти...

Вот тогда я и решил, что сразу по выходе в запас надо ехать домой подальше от этого дурдома, ведь у меня сын подрастал, а сколько продлится это смутное время никто тогда

не мог предсказать.

И как кульминация того времени или апофеоз событий – злоключения, которым подвергся сам Алихан Яхдиев. Желая сгладить остроту отношений и в целях упрочения своего доброго имени, он решил просто отдохнуть с подчиненными на природе, взяв на себя все затраты. Однако вмешалась неустойчивая кронштадтская погода. Пошел дождь, и мероприятие решили продолжить на квартире у Володи, где он проживал один, ввиду развода. На самом деле, как мне рассказывал Алихан, жена Володи сбежала с одним дальнобойщиком в Новгород Великий, что находится у озера Ильмень. Как бы там не было, но Володя особенно не переживал, детей с супругой не нажил, а о покинувшей его жене он даже не вспоминал. Я знал этих Леонида и Володю, Алихан познакомил меня с ними в один из моих посещений телеателье. Обыкновенные русские работяги, практически безропотно подчинявшиеся его любому наказу, по характеру такие же невозмутимые и спокойные, как сам Алихан. Недостатка в алкоголе и закусках у них также не было. Ничего не предвещало беды, но она пришла, и не одна. Где-то через три часа после их посиделок, все трое изрядно захмелели и перешли к обсуждению внешней и внутренней политики России, в диспуте затронули и чеченский вопрос. Начались прения, мнения разделились. Алихан настаивал на большей самостоятельности горским народам Северного Кавказа, а вот Володя с Леонидом решили, что пока свободу еще рано давать.

Выпили еще и перешли к обсуждению вопросов этнографии – науке о народах и нациях. Первые упоминания этого термина относятся к региональным корпорациям студентов в средневековых университетах. Итальянский философ Джамбаттиста Вико относил к нациям древних скифов, халдеев, финикийцев и римлян. А один из классиков марксизма-ленинизма дал научное обоснование нации как «исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада».

Вряд ли наша тройка читала эти философские шедевры, но после очередного возлияния Леонид и Володя, потеряв нюх и нарушив субординацию, стали убеждать Алихана в превосходстве русской нации над другими (чеченцами и ингушами) и принадлежности славян к высшей арийской расе. Этого Алихан допустить уже не мог и выразил свою мысль одним предложением:

– Нет, вы не арийцы, вы производное славян, водки и татар с монголами!

Что произошло дальше Алихан помнит смутно. На мгновение он отключился. Обозленные подчиненные, в знак протеста, взяв его за ноги и руки, вынесли на балкон второго этажа квартиры и сбросили вниз. Алихан, ударившись головой об асфальт, потерял сознание.

А Володя с Леонидом выпили еще по полстакана водки и стали рассуждать вслух: «Если Алихан мертв, его надо отта-

щить подальше от проекции балкона, чтобы на нас не подумали. А если жив, то мы скажем, что он сам выпал с балкона, когда курить выходил». Подытожил Володя:

– Необходимо убедиться, жив он или мертв. Я где-то читал, что, если человек притворяется мертвым, надо его по коленным чашкам молотком побить. Это так больно, что притворяющийся не выдержит и кричать начинает. Поэтому возьмем молоток и проверим его рефлексы.

Далее происходило следующее: два пьяных идиота, выйдя из подъезда, обошли дом и молотком стали дробить коленные чашки своего начальника, находящегося в бессознательном состоянии. Естественно, отключенный Алихан ничего не чувствовал, и собутыльники, переломав ему коленные чашки и суставы, пришли к выводу, что он мертв. Они оттащили тело от дома метров на двадцать, затем, вернувшись в квартиру, продолжили пьянку. Утром их задержали, так как за их ночными маневрами наблюдало не менее пяти соседей и прохожих.

Когда через час Алихан пришел в себя, невыносимая боль заставила его не кричать, а вопить. Сердобольными прохожими была вызвана скорая помощь, и его сразу повезли в травматологию. Леонидом и Володей занимался лично Хамзат, оба чистосердечно признались в содеянном и раскаялись. Однако до решения суда их поместили в изолятор временного содержания, то есть в «Кресты». Но тут прибыли братья Алихана, возмущенные решением суда, ибо были ис-

кренне убеждены, что суд вынесет Володе и Леониду высшую меру наказания, а они получили семь и пять лет соответственно.

Я застал их дома у Хамзата, они свирепо уговаривали его, чтобы он под видом врачей запустил их на две минуты в камеру к бывшим уже подчиненным брата. Халаты врачебные и фонендоскопы должен буду раздобыть, естественно, я. Начиналась натуральная «коза-ностра», тут Хамзата прорвало:

– Вы хоть представляете, что это за тюрьма «Кресты»?! Туда сажают самых отъявленных преступников! Там брат Ленина сидел и не смог сбежать, его повесили, а вы говорите на две минуты пустить...

Как ни странно, но упоминание о повешенном брате Ленина поумерило их пыл и убедило в суровости наказания.

Через неделю мы пошли навестить Алихана в больницу. Застали его лежащим на больничной кровати, страшно похудевшим, обе ноги до середины бедер-в гипсе. Тома рядом с ним на стуле – осунувшееся лицо, под глазами-темные круги. Мы сдержанно поздоровались. Тома поняла и вышла. Мы поочередно обняли друга, я заметил слезы на глазах у Хамзата, он их незаметно смахнул. Мы пробыли с ним около двадцати минут, как могли, веселили его. Он как всегда молча улыбался. Вышли от Алихана удрученные и подавленные. Дома рассказал маме о посещении Алихана и желании по окончании службы вернуться домой, в Северную Осетию.

Из городской больницы Алихана выпишут через три ме-

сяца, но уже инвалидом второй группы. Хромота останется, несмотря на то, что коленные суставы его будут еще дважды повторно прооперированы. В телеателье работать он больше не вернется...

Дядя Слава

В мае 1991 года я был назначен на должность начальника 102 поликлиники кронштадтского гарнизона. Назначение совпало с началом развала государства, которое составляла 1/6 часть всей суши нашей планеты и называлось гордым именем Союз Советских Социалистических Республик. О том, что оно прекратит существование, я понял, когда на должность генерального секретаря коммунистической партии в 1985 году был избран Михаил Горбачев – слабый и безвольный человек, хотя и предыдущие генсеки не отличались умом и сообразительностью, и их всех можно определить двумя словами: «перевертыши» и «подкаблучники». Почему после окончания командного факультета руководящего медицинского состава в 1989 году я категорически отказался от полковничьей должности на Тихоокеанском флоте. Даже невооруженным взглядом было видно, что страной руководят некомпетентные и случайные люди, и в ближайшем будущем эта страна обречена. Вот я и прикинул, как дорого обойдется мое возвращение с семьей с Дальнего Востока, и хватит ли для этого моих финансов в случае непредвиденного бегства при наступавшем развале страны. Мне просто повезло, что меня оставили в Ленинграде, ибо я окончил первый факультет при военно-медицинской академии

им.С.М.Кирова с отличием, что давало право выбора. С надеждой и святой верой надеялся я, что обязательно придет новый «Сталин» и восстановит «статус-кво», но увы, чудес не бывает.

Дальше становилось все хуже и хуже. В бывших союзных республиках начались межэтнические конфликты, пролилась первая кровь в Азербайджане, Таджикистане и Узбекистане. Не избежал этой участи и мой многострадальный народ Северной Осетии. Осетино-ингушский конфликт продолжался с 30 октября по 06 ноября 1992 года. В боевых действиях с обеих сторон погибло 712 человек, из них осетин – 305, ингушей – 407, ранено 457 ингушей и 379 осетин. Боевые травмы обычно лечились в военно-медицинских учреждениях, но раненные осетины были в основном лица гражданские, и, естественно, оперировались в хирургических отделениях больниц города Владикавказа, где врачи не были знакомы с лечением боевой травмы. Договорившись с руководством ведущих медицинских учреждений Ленинграда военно-медицинской академии им.С.М.Кирова и 42-ым окружным госпиталем о бесплатном лечении наших раненых и заручившись поддержкой командующего Ленинградским военным округом, я вылетел в середине декабря во Владикавказ для отбора первой партии. За два года в указанных клиниках прошли лечение тридцать семь человек. Затем с началом первой чеченской войны вывоз раненых был окончательно прекращен.

Страна нуждалась в сильном человеке, что мог бы навести порядок. Но пока такового не нашлось, и власть к рукам все больше прибирал криминалитет, отодвигая государственные управленческие и силовые структуры. Вчерашние бандиты и воры в законе стали прибирать к рукам всю государственную собственность. Начался дележ нового приватизированного мира организованными преступными элементами. Сферы влияния в Ленинграде поделили две мощнейшие преступные организации Александра Ивановича Малышева и Владимира Сергеевича Барсукова-Кумарина. Хорошо еще, что бандиты не влезли в Вооруженные Силы, хотя взять там было нечего, и система наша считалась весьма закрытой и охраняемой. А вот многие офицеры увольнялись из армии и флота, пополняя ряды «бизнесменов» и бандитов. Когда я служил в 104 бригаде кораблей охраны водного района, у нас за физическое воспитание отвечал старший лейтенант Шурыгин. Хороший офицер из интеллигентной семьи, мастер спорта по плаванию, но захотелось бандитской романтики и легких денег. Так через два года в информационно-аналитической телепрограмме Александра Невзорова «600 секунд», выходявшей в эфир в 1987—1993 годах на Ленинградском телевидении (Пятом канале), услышал, что тело Шурыгина, прошитое очередью из автомата, найдено в лесу у дороги в Зеленогорск.

Кронштадт и курортную зону: города Зеленогорск, Сестрорецк, Песочное, кемпинг, базы отдыха и иностранный ту-

ризм контролировала группа Юрия Комарова из ОПГ Александра Малышева.

Между Кронштадтом и Сестрорецком расстояние в 27 километров, а где-то посередке в поселке Тарховка обосновался мой односельчанин Руслан Базаев, мы с ним учились в одной Камбилеевской средней школе Пригородного района в Северной Осетии. У Руслана было два предприятия общественного питания: ресторан у музея «Шалаш В.И.Ленина» в Разливе и придорожное кафе «Изба» на Приморском шоссе, прямо на выезде из поселка. Заехал к нему, мы пообщались и обменялись телефонами, он пригласил меня домой и познакомил с супругой – она была осетинка и танцевала в балете Мариинского театра. Руслан пожаловался, что с падением советской власти доходы с ресторана перестали поступать – Лениным перестали интересоваться. Я в свою очередь проинформировал его о поступлении первой партии раненых из Северной Осетии, пострадавших в осетино-ингушском конфликте, и бесплатном лечении их в клиниках военно-медицинской академии и окружном госпитале Ленинграда. От него-то и узнал о Тадтаеве Тимуре, что проживал в Сестрорецке. При мне Руслан позвонил ему и довольно эмоционально рассказал о доставленных мной десяти раненых на лечение в Ленинград. Тимур изъявил желание встретиться и передать землякам фрукты, и как он сказал многозначительно, что-нибудь на десерт.

Так я познакомился с Тимуром Тадтаевым (Джако) – уро-

женцем Южной Осетии, он курировал все овощные базы курортной зоны. В Сестрорецке обосновался с середины восьмидесятых годов после срочной службы в армии, где служил в спортивной роте СКА Ленинград и являлся шестикратным чемпионом России по дзюдо. Тимур жаловался, что подвергается колоссальному давлению со стороны «малышевской» организованной преступной группировки, и сетовал на то, что не послушался друзей, которые уже выехали в Голландию и открыли там свой бизнес. Меня это сильно взволновало, и я обратил его внимание на открытые окна кабинета, выходящие во двор. Посоветовал снаружи закрыть металлической сеткой, а внутри повесить светонепроницаемые шторы, во избежание покушений бандитов. Рассказал ему, что недавно в окно владельцу магазина Такулову в Ленинграде бросили боевую гранату, но она по счастливой случайности не взорвалась. Как же я был прав в своем беспокойстве, когда спустя неделю Тадтаев позвонил мне, сообщив, что на него было совершено покушение. В ангар с фруктами и овощами вошел интеллигентного вида молодой человек, одетый с иголки и спокойно разрядил в него обойму из пистолета. Спасло Тимура активное занятие дзюдо, он резко увернулся и в прыжке выскочил за ворота ангара. Но я почему-то был уверен, что визит «комаровской братии» был, скорее всего, предупредительным, хотели бы убить-убили бы, не моргнув. С горечью и удивлением я наблюдал, как начали отстреливать моих земляков – владельцев предприятий торговли и

недвижимости в Ленинграде и Ленинградской области. Был убит выстрелами в голову владелец двух магазинов в Ленинграде Цомартов, два осетина, купивших универмаг в Красном Селе, также стали жертвами местных бандитов. Я хорошо запомнил одного из них, когда за полтора месяца до убийства знакомился с ним, заметив, что у него не было левой кисти, и он носил протез в черной перчатке. Было совершено несколько покушений на Бориса Кочиева – сопредседателя осетинской общины в северной столице.

В октябре 1992 года Александр Малышев и восемнадцать его ближайших сообщников были арестованы по делу предпринимателя Дадонова, его выпустят из СИЗО лишь осенью 1995 года. Однако уже в августе 1993 года были освобождены под подписку о невыезде ближайшие соратники Малышева Кирпичев, Берлин и Геннадий Петров. На короткое время кровавый беспредел был приостановлен, еще только набирали силу «тамбовские», руководимые одноруким лидером Барсуковым-Кумариным.

А тут в июле 1993 года раздался звонок от одного из моих близких родственников, он радостным голосом сообщил, что на подъезде к Кронштадту и везет два КАМАЗ-а, груженных сахарным песком в сопровождении еще четырех уроженцев города Ардон. Звонивший просил оказать содействие в реализации сахара в магазинах Кронштадта. Называется этот подход не иначе, как «здравствуй жопа – Новый год». Крайне необдуманное решение моего родственни-

ка могло просто погубить всех участников этой «сладкой» экспедиции. Им просто повезло, что наступило мнимое затишье перед бурей, и они не попали под молох малышевских беспредельщиков, как, впрочем, повезло мне. Когда эти два загруженных сахарным песком КАМАЗ-а подъехали к корпусу нашего девятиэтажного дома, я понял, что проблемы уже нарисовались в ближайшем будущем. Загнав груженные машины за корпуса шестнадцатого квартала и определив всю великолепную пятерку на постой в местную гостиницу, я отправился к своей знакомой – директору торгового центра. С Еленой Ивановной обсудил возможности реализации сахара на ее предприятии, она тут же обзвонила другие продовольственные магазины, определив их потребности в сахаре и возможности по реализации. Елена Ивановна рассчитала и озвучила, что потребуются не менее трех недель для окончательного расчета с поставщиками.

Неприятности, тем не менее, начались уже через три дня после сдачи сахара в продовольственные магазины Кронштадта. Я направлялся к себе в поликлинику, когда на улице Советской ко мне подошел местный воровской авторитет Николай Плотников и объяснил на пальцах, что за разрешение на привоз и сдачу в магазины Кронштадта иногородней продукции необходимо заплатить обязательный налог братве:

– Послушай, Руслан Георгиевич, даже если ты имеешь мандат депутата, это не дает тебе право обходить нас сторо-

ной, пускай твои родственники «забашлят наш общак» и могут спокойно жить дальше. Не для того я семнадцать лет отсидел, чтобы меня и братву так открыто игнорировали...

Я с этим типом не был знаком, и его откровенное хамство мне очень не понравилось, но старался держаться спокойно, ибо самое главное было понять, от имени кого он говорит, кто стоит за ним, и насколько ситуация опасна. Я откровенно задал ему вопрос:

– А от имени кого ты говоришь, Николай? Или это твоя личная инициатива?

– А тебе какая разница, я вор и говорю от своего имени!

– Николай, ты разве «вор в законе», чтобы говорить от своего имени со мной?

И тут бедный Плотников совершил оплошность, когда, возмущившись моим вопросом, высказал следующее:

– Да, вор в законе, а ты для меня фраер в пальто! Я сказал тебе все, что хотел, а твое дело – исполнить мое предложение!

С этими словами он гордо удалился. В тот же день я встретился с мегрелом Ваню, который хорошо знал местные устои уголовного мира, ибо сам отсидел три года за нанесение телесных повреждений средней степени тяжести жителю Кронштадта. Ваню терпеть не мог Плотникова и его блатную компанию, называя их шелухой и бесполезным балластом. Но когда я в разговоре упомянул, что Николай назвал себя вором в законе, его словно передернуло, и он вдруг прохри-

пел:

– Ты уверен, что он именно так сказал, а не иначе?

– Да нет, я отчетливо помню, что он сказал, назвав себя вором в законе, а меня – фраером в пальто. Сказал еще, что отсидел в тюрьмах семнадцать лет.

– Ну, если это правда, то, как ты посмотришь на то, чтобы вечером кое-куда прокатиться, расскажешь одному хорошему человеку все что говорил мне!

Предложенная им вечерняя прогулка началась в три часа ночи, когда мы выехали из Кронштадта на моем автомобиле BMW-530i «Акула». Штурманом был Ваню и вскоре мы остановились у открытого кафе на Васильевском острове. На улице стояли столики, сновали официантки. Мы с Ваню подошли к одному из столиков, за которым сидел мужчина старше пятидесяти лет. Хозяин столика радушно предложил нам присесть, представился просто – дядя Слава. По тому, как смиренно и учтиво вел себя Ваню в его присутствии, я понял, что передо мной настоящий воровской авторитет. Дядя Слава перешел сразу к делу и попросил дословно передать ему весь разговор с Николаем Плотниковым. Я рассказал все как было, ничего не утаивая. Лицо возрастного собеседника помрачнело и на его лице промелькнула презрительная гримаса, когда я упомянул в рассказе о признании Николаем Плотниковым себя вором в законе. Внимательно выслушав меня до конца, он обратил свой взор к Ваню:

– А ведь он говорит правду, я ему верю. Думаю, что наш

товарищ немного заговорился и будет наказан. А теперь, Руслан, что касается сахара, что привез Ваш родственник. Никто больше Вас беспокоить не будет, можете спокойно реализовывать товар. Теперь, что касается Николая. Если встретитесь на одной стороне улицы, он при виде Вас обязательно перейдет на другую сторону, это я обещаю.

Возвращались мы домой где-то в четыре утра по Приморскому шоссе, как вдруг на обочине трассы увидели одинокую фигуру девушки. Девушка одна в лесу?! Было бы подло и низко проехать мимо, оставив ее стоять ночью в лесу. При тормозили рядом с ней. Она, взвизгнув, буквально запрыгнула на заднее сиденье. Послышалось рыданье, а затем она на чистом английском, начала что-то объяснять нам. Иностранка, одна в лесу и практически без одежды. Ваню открыто занервничал:

– Руслан, зря мы с ней связались, думаю, у нас будут неприятности! Может, ее в милицию отвезти? А если ее изнасиловали?!

– Да, меня изнасиловали и бросили в лесу, – на довольно сносном русском поддержала разговор англичанка, – но я сама виновата, что поехала с ними. Отвезите меня к гостинице «Советская», там моя группа, наверное, уже все с ума сходят! Я вам заплачу!

Мы с Ваню приняли решение доставить девушку в гостиницу. Развернули машину и покатали обратно в Ленинград. По дороге иностранка,

поняв, что ее точно отвезут к своим, перестала плакать и несколько воспряла духом. Попросила нас никому не рассказывать о случившемся. Мы пообещали, ибо нам это было на руку. Когда подъехали к гостинице, навстречу выскочил ее парень, и они устроили громкую разборку прямо у машины. Не знаю, что она ему втирала на английском, но он быстро успокоился. Подбежал к машине и протянул Ваню четыреста долларов, потом сложил руки на груди и картинно поклонился. На этот раз обошлось без эксцессов, и мы во второй раз направились в Кронштадт. Добрались домой только в шесть часов утра. Я подвез Ваню к его дому, поблагодарил за удачную поездку и поддержку. Взять часть долларов я категорически отказался, ибо его помощь изначально была бескорытна и убедительна. А через две недели я, наконец, смог попрощаться и отправить восвояси своего родственника и его четырех кунаков.

Спустя где-то года три после этих приключений мы всей семьей смотрели хронику происшествий, когда на экране крупным планом показали фотографию убитого тремя выстрелами воровского авторитета. Расстреляли его в клубе «Джой» – два выстрела в шею и один в голову. Владелец клуба – нигерийский бизнесмен негр Лаки Ийнбору был там же ранее застрелен. Я сразу узнал «дядю Славу», с которым меня познакомил мегрел Ваню. Но сейчас его представили Кирпичевым Вячеславом Владимировичем по кличке «Кирпич». С убийством Кирпичева и отъездом Малышева в Ис-

панию власть в Ленинграде перешла к Барсукову- Кумарину, а вот Кронштадт и курортная зона отошли чеченцам. Начинаясь новый передел беспокойной северной столицы.

И вот спустя 27 лет с тех памятных событий, сегодня утром по всем каналам телевидения передали сенсационную новость:30 апреля 2023 года ФСБ России заявила, что установила заказчика убийства вице-губернатора Санкт-Петербурга Михаила Маневича – им оказался глава Тамбовской ОПГ Владимир Барсуков-Кумарин, осуждённый в 2009 году на 14 лет тюрьмы за рейдерские захваты и приговорённый в 2016 году к 18 годам тюрьмы за покушение на владельца нефтяного терминала Сергея Васильева, а также осуждённый на 24 года за убийство депутата Госдумы Галины Старовойтовой...

Поликлиника

В 1987 году в возрасте тридцати трех лет и звании майора медицинской службы поступил на первый факультет военно-медицинской академии им. С.М. Кирова. Это был год исполнения «великих» замыслов в моей судьбе. Первый факультет, или иначе командный факультет руководящего медицинского состава, это как академия генерального штаба им. М.В.Фрунзе, но лишь с той разницей, что предназначена для руководителей врачебного состава. Выше у военных медиков нет ничего, и по окончании ты имеешь право занять любую руководящую должность без ограничений. И что интересно, принимали на первый факультет один раз в два года и по установленной норме – не более шести человек. Но самым удивительным было то, что наметилась весьма интересная тенденция. Последние пятнадцать лет на факультете не было случая, когда бы не поступил осетин. Только на моей памяти шесть хорошо знакомых мне выпускников командного факультета: Тхостов Валера, Елоев Магомед, Казбек Дзарахохов, Эльбрус Черчесов, Илья Кабисов, Мурат Беликов. Многих из наших преподавателей на кафедре искренне удивляло, как и почему каждый год поступают осетины? Кто они такие?! Был на кафедре старшим преподавателем полковник медицинской службы Багаевский, так его это боль-

ше всех возмушало. И все пятнадцать лет он искал объяснение этому феномену, пока не умер от инсульта. Могу немного приоткрыть завесу осетинской тайны. Например, Ленина после ранения оперировали три хирурга: русский – Владимир Николаевич Розанов, немец – Юрген Борхард и осетин – Евгений Давыдович Рамонов. Он еще до революции окончил медицинский факультет в Одесском университете, и большевики доверили жизнь вождя осетину Рамонову. Это ли не объяснение феномена исключительности уважаемым преподавателям кафедры ОТМС ВМФ. Кстати, до революции академию окончили еще два осетина, также не имевшие дворянского происхождения.

При поступлении мне очень помогли наставники: начальник медицинской службы Ленинградской ВМБ Виталий Сергеевич Ласкавый и наш прославленный земляк командир кронштадтского гарнизона контр-адмирал Виктор Александрович Гокинаев. Но как бы тебе не помогли, эти два года надо учиться, да так, «чтобы дурь твоя была видна окружающим».

По замыслу Виталия Сергеевича Ласкавого, предполагалось, что по окончании факультета я занимаю должность заместителя начальника медицинской службы Ленинградской военно-морской базы, то есть его заместителя. Но тогда и предположить не мог, что фортуна так резко повернется спиной, и планы по перспективе моей дальнейшей служебной карьеры в одночасье рухнут. Внезапно, без объяснения при-

чин, Виталий Сергеевич Ласкавый был снят с должности командиром Ленинградской ВМБ и отправлен в запас по выслуге лет. Это случилось в 1988 году, когда до окончания моего обучения оставался еще год. И что теперь делать?!

Для меня это было полной неожиданностью и крахом всех надежд и планов. Решил посоветоваться с Ласкавым и выяснить, в какой степени плохо все на самом деле. Вечером, после занятий, посетил своего уже бывшего начальника, застал его в окружении домашних: жены, взрослого сына-офицера в звании капитана 3 ранга и дочери-студентки пятого курса – без пяти минут врача. Тепло поздоровался с семейством, с которым очень хорошо был знаком, затем хозяин предложил пройти к нему в кабинет. Уединившись со мной, Виталий Сергеевич подробно довел до меня сложившуюся ситуацию:

– Руслан, тебе ведь известно, что адмирал Самойлов Владимир Александрович – командир Ленинградской базы, мой старый знакомый. Вызвал меня на доклад и не просто отчитал, а в грубой форме прервал меня во время отчета по состоянию дел в учреждениях медицинской службы. Это был откровенный намек на нежелательность дальнейшей совместной работы. Я не стал ничего выяснять и на следующий день подал рапорт по команде на увольнение по собственному желанию, и он его подписал немедленно... Меня сменил Егоренков Вадим Анатольевич, возглавлявший до того 1-ый военно-морской госпиталь. Я же пошел преподавателем в Ленинградский институт культуры, что на набережной Невы.

Видишь ли, мы предполагаем, а судьба располагает... Тебе придется нелегко, особенно после распределения. Все, что мы с тобой планировали, уже нереально. При распределении никуда не соглашайся, кроме пределов Ленинградской базы. Страна разваливается и, судя по всему, произойдет это весьма скоро. Какой смысл тебе выезжать за пределы Ленинграда... Знаю, что без меня тебе будет значительно труднее, но ты не из категории слабых, выдюжишь...

Из разговора с Ласкавым я понял одно, пришло время, когда нужно надеется лишь на свои силы, помощи со стороны более не будет. Минут через пятнадцать я покинул дом своего бывшего начальника, поблагодарив его за все сделанное для меня и тепло попрощавшись с его супругой.

К государственным экзаменам я пришел без единой четверки, то есть должен был получить золотую медаль. Медаль я не получил, но красным дипломом обозначили. Пригласили в отдел кадров академии, где начальник – полковник медицинской службы Игорь Александрович Шамарин, мой хороший знакомый, настоятельно попросил отказаться от золотой медали. Он в открытую поделился со мной:

– Медалей четыре, а претендентов на медаль – восемь...

Игорь Александрович предложил мне сделку, с условиями которой я в конечном итоге согласился:

– Руслан, ты получаешь диплом с отличием и право выбора на распределение по окончании первого факультета. То есть, ты распределяешься туда, куда именно пожелаешь.

Второе, как отличника, академия включает тебя делегатом на слет отличников Стран Варшавского Договора, который будет проходить в Георгиевском зале Кремля. На встрече будет присутствовать министр обороны СССР – маршал Язов Дмитрий Темофеевич. Ну что, согласен?

Я искренне уважал этого человека и не мог не принять его предложения, но это означало, что один из пяти предметов на государственных экзаменах я должен сдать на «хорошо».

Игорь Александрович коротко объяснил, что получать четверку я буду на родной кафедре организации и тактике медицинских сил флота (ОТМС ВМФ) с курсом боевые средства флота (БСФ). Я понял также, что акцию будет проводить капитан первого ранга Переборов Борис Николаевич – человек с большим чувством юмора, он преподавал нам на учебных циклах боевые средства флота. Поднялся к нему на четвертый этаж, где застал его в кабинете. Доложил, что прибыл на инструктаж. Затем между нами произошел следующий диалог, который я воспроизвожу по памяти:

– Руслан, проходи, присаживайся. Мне сейчас звонил Игорь Александрович, так что я в курсе вашего разговора. Пойми, я простой исполнитель, но ведь дело-то такое, что и самому неприятно. Когда я громко начну тебя упрекать в недостаточной подготовленности к государственному экзамену, ты уж меня поддержи, чтобы присутствующие преподаватели и слушатели из твоей группы действительно в это поверили.

– Борис Николаевич, а каким же образом мне Вас поддержать? – спросил я, несколько ошарашенный его предложением.

– А вот, как Мао Цзедун проводил партийные собрания в Цзянсинских пещерах Китая во время Великого похода в период Освободительной войны. Все собрания он начинал и заканчивал самокритикой своей и присутствующих. Громко, чтобы все слышали, развенчай свой культ личности и признай плохую подготовку к экзамену.

Пораженный глубокими познаниями по Китаю и его общей эрудицией, я заверил о полной поддержке на госэкзамене и слово, данное ему, сдержал. Борис Николаевич на государственном экзамене завершил свой монолог словами о моей недостаточной подготовке по основному предмету:

– Ну, что же Вы, уважаемый, так слабо подготовились к экзамену, а ведь я лично и все преподаватели кафедры были уверены в Вас, ну как же так получилось, что я сейчас буду вынужден занижить оценку! Ну что будем делать, Руслан Георгиевич ?!

Я немедленно подключился и поддержал его словом и делом, как и обещал:

– Борис Николаевич, полностью согласен и поддерживаю Ваше мнение о моей слабой подготовке к экзаменам. Виной этому моя излишняя самоуверенность и недостаточное внимание к предмету. Признаю, что своими ответами подвел и кафедру, и своих товарищей по группе, готов понести любое

порицание и заранее согласен с любым Вашим решением ...

Но не со всеми остальными претендентами на золотую медаль сложилось так гладко, как со мной. Этажом выше располагалась кафедра ОТМС, аналогичная нашей, но сухопутных войск. Так вот, там учился внук именитого подводника Героя Советского Союза Гаджиева Магомета Имадутдиновича – подполковник Гаджиев Магомет, тихий, застенчивый дагестанец, с которым я был лично знаком. Он так же был приглашен в отдел кадров и, вроде бы, даже дал согласие на отказ от медали. Но на государственном экзамене внезапно передумал, откуда-то вдруг появились журналисты и какой-то его адвокат. Был большой скандал, но медаль он так и не получил. И отправился наш внук Героя Советского Союза служить на Дальний Восток в отдаленный гарнизон.

Окончив с отличием первый факультет руководящего медицинского состава при военно-медицинской академии им.С.М.Кирова, я в течение двух лет был вынужден довольствоваться майорской должностью флагманского врача 39 бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей, расположенной на Васильевском острове, и ежедневно мотаться на службу из Кронштадта в Ленинград. Как вдруг неслыханно «повезло»!

В начале мая 1991 года Володя Дудченко – начальник 102 поликлиники Кронштадтского гарнизона, при очередной посадке на паром, зазевался и потерял бдительность и, как результат невнимательности, ему отрезало ногу аппаратью по

колени. Не было бы счастья, да несчастье помогло! Приказом командира Ленинградской военно-морской базы № 039 от 20.05.1991 года я был назначен начальником 102 поликлиники кронштадтского гарнизона. На следующий день после ознакомления с приказом прибыл к новому месту службы. От моего дома на Кронштадтском шоссе до поликлиники можно было пройти минут за двадцать, не торопясь. 35 военно-морской госпиталь и 102 поликлиника находились на общей территории и занимали весьма престижную северо-западную часть Кронштадта. Госпиталь состоял из трех трехэтажных корпусов, соединенных между собой огромными коридорами – переходами. Юго-восточную часть здания, то есть его первый этаж, занимала поликлиника, в которую я сейчас и направлялся. Вход в госпиталь был со стороны улицы Мануильского, слева в тридцати метрах находилась часовня, где отпевали покойников перед последней дорогой на кладбище. На входе в госпиталь – литая калитка из чугуна, рядом на въезде – ворота ручной работы, также из чугуна, литые, изготовленные, вероятнее всего, одним мастером еще до революции.

Судя по всему, в поликлинике уже знали о моем назначении. Ключи от кабинета и сейфа мне молча передала секретарь военно-врачебной комиссии Раиса Васильевна Бриль, как только я подошел к окошку регистратуры. Это серьезная и властная женщина лет пятидесяти, но, как я заметил позже, абсолютно надежная и незаменимая в работе.

Войдя в свой кабинет, отметил, что желал бы письменный стол развернуть фронтом ко входной двери, дабы видеть входящих. Вдоль стен – справа и слева от стола стояло два ряда стульев. Подумал, что было бы неплохо левый ряд заменить длинным диваном. Как-то комфортнее будет выглядеть и по-домашнему уютнее. На стол, покрытый зеленой скатертью, необходимо было поставить такого же цвета настольную лампу. И еще обратил внимание на отсутствие в кабинете чашек и стаканов. Окно без штор выглядело обнаженным. Света много в помещении, но как -то неуютно, и в кабинете довольно прохладно. Надо раздобыть масляный стандартный обогреватель и шторы светонепроницаемые, синего или зеленого цвета.

Постучав в дверь, вошла Бриль с бумагами, предложил ей присесть напротив, спросил, как ее имя, отчество, и что за бумаги она принесла. Она подробно доложила по каждому документу, попросила расписаться и поставить печать учреждения. От нее же узнал, что в своей должности одновременно совмещаю обязанности начальника поликлиники, председателя гарнизонной военно-врачебной комиссии, а также являюсь ответственным по обеспечению офицеров и членов их семей санаторно-курортными путевками в военные санатории и курорты Прибалтики, Баку, Черноморского побережья и Крыма.

Одно дело, когда ты увольняешься по выслуге лет, и совсем другое – когда по болезни. Военная пенсия сразу воз-

растает в разы. Кстати, я уволился по выслуге лет и здоровым, и никогда не пользовался с семьей санаторно-курортными путевками. И сейчас глубоко убежден и считаю неприличным, при живых родителях выезд в санаторно-курортные учреждения, ибо вижу в этом пренебрежение к своим старшим близким.

Попросил Раису Васильевну собрать в мой кабинет на одиннадцать часов весь врачебный состав поликлиники для представления, а затем после них средний медицинский персонал. Заодно поинтересовался, кто печатает отчетную документацию поликлиники, и кто исполняет функции моего секретаря. По тому, как Раиса Васильевна с пренебрежением назвала интересующее меня лицо, упомянув к тому же лишь ее фамилию и имя, но без отчества, я догадался, что отношения между ними далеко не доверительные. Попросил пригласить секретаря немедленно в мой кабинет.

Спустя минуту вошла высокая миловидная девушка со стройной фигурой и недовольной гримасой на лица, ей было на вид лет тридцать с небольшим. Представилась Павловой Ириной Станиславовной. Попросил ее присесть напротив меня и спросил с долей иронии:

– Послушайте, Ирина Станиславовна. Кем Вы официально являетесь по должности согласно расписанию, в штатной книге поликлиники? Обращайтесь ко мне, пожалуйста, Руслан Георгиевич.

Лицо собеседницы на глазах стало преображаться и стало

вдвое краше, она взглянула на меня своими большими наивными семитскими глазами, и я сразу догадался, что мой предшественник Володя Дудченко довольно скоро пал жертвой красоты этой роковой женщины. Павлова доложила, что официально числится сестрой-хозяйкой, но Дудченко дал ей полставки за работу секретаря. Другие полставки достались Раисе Васильевне. Расспросил об отчетности поликлиники за квартал, полугодие, год и попросил принести прошлогодние копии по всем видам отчетности для сравнения в динамике. После проверки отчетности объявил Раисе Васильевне и Ирине Станиславовне, что работой их удовлетворен и полставки у обеих остаются.

В указанное мной время врачи парами и в одиночку стали заполнять ограниченное пространство кабинета, рассаживаясь вдоль стен, приглушенно общаясь между собой и опасно поглядывая на меня. Когда все собрались я поздоровался и обратился к коллективу с краткой речью:

– Меня зовут Руслан Георгиевич. Думаю, что нам придется терпеть друг друга весьма долгое время, возможно, даже до моего увольнения в запас, поэтому примите этот факт, как должное и наберитесь терпения на оставшиеся десять лет совместной работы. Я женат и имею троих детей. Жена осетинка, ваша коллега – врач-стоматолог по специальности. А теперь, когда я буду по очереди обращаться к одной из вас, прошу четко называть свою должность, имя, отчество и фамилию- буду записывать в свою рабочую тетрадь.

На знакомство ушло не более пятнадцати минут. Судя по фамилиям и внешности, присутствующие в основном, были русские и украинцы, только окулист Райская Любовь Ефимовна, картавила, и смуглое лицо выдавало ее семитское происхождение. Помню, врачом-оториноларингологом была Миронова Нина Евдокимовна-миловидная, ростом ниже среднего женщина – «колобок», но великолепный профессионал своего дела, врачом-рентгенологом Житник Татьяна Ивановна – украинка из Харькова с красивыми голубыми глазами, два молодых врача-терапевта, вечные соперницы-одногодки Сахно Ольга Константиновна и Драгомирова Ольга Павловна, врачом-дерматовенерологом – Сотникова Светлана Семеновна – москвичка, вышедшая замуж за мичмана из Кронштадта, мастер спорта по лыжам, зубной врач Талалаева Тамара Георгиевна – восточной красоты волжская татарка, одним словом «Гюльчатай». А еще в штате были два врача-хирурга: один в звании подполковника медицинской службы – мой непосредственный заместитель – Сусев Алексей Николаевич, шумливый холерик и, судя по лицу, любитель выпить. Второй хирург – полная его противоположность – Морозов Александр Анатольевич, гражданский хирург, невозмутимый сангвиник, философ, трезвенник и фотограф одновременно. После врачей пригласил медицинских сестер. В ходе общения с ними сразу выделил двух лидеров: Таню Латман и Таню Лобанову.

На этом предварительное знакомство с коллективом за-

вершилось, и начались трудовые будни. Первым делом предупредил подчиненных, что отныне двери в поликлинике буду опечатывать, открывать и закрывать лично. Открывать поликлинику в 08.00, а закрывать в 18.00. Двери для перехода в 35 госпиталь на ночь будут закрываться на навесной замок и также опечатываться моей печатью.

Вторым делом я посчитал обязательным наличие у врачей и медицинских сестер поликлиники квалификационной категории, и чтобы она, непременно, была только высшей. Добивался этого следующим образом: все представляемые ими отчеты на сдачу квалификационной категории проверял лично, дополняя более объемным текстом, информативными таблицами, графиками и диаграммами в соответствии с требованиями руководящих формуляров. Получались весьма интересные отчеты. Затем проводил с каждым не менее четырех-пяти индивидуальных занятий, вселяя в них уверенность в своих знаниях. Через три года в поликлинике не оказалось ни одного врача или медицинской сестры без категории. Врач высшей категории имел существенную прибавку на пять тысяч рублей, прибавка медицинской сестре составляла три тысячи восемьсот. Перед приездом очередной комиссии я заказал всем врачам и медицинским сестрам нагрудные бейджики из пластика, где после фамилии, имени, отчества и должности, обязательно давалась информация о высшей категории. Проверяющие всегда искренне недоумевали, как мне удалось за весьма короткий срок до-

биться таких успехов. Отвечаю – водкой и коньяком. Экзамены на категорию сдавались два раза в год в первой поликлинике. Каждый раз за час до них я привозил в поликлинику немереное количество алкоголя, мяса, зелени и фруктов, а также до десяти врачей или медицинских сестер.

В первую же неделю пошел знакомиться с главным врачом госпиталя – подполковником Глуховым Владимиром Андреевичем. Землистый цвет лица и невыдержанность характера говорили о тяжелом необратимом хроническом заболевании. Через полгода он скончается от онкологии. Умирать будет тяжело и всем сотрудникам будет искренне его жаль. На его похороны придет практически весь персонал 35-го госпиталя и 102 поликлиники.

Его место неожиданно для всех займет Петросян Эдуард Мартиросович – начальник школы санинструкторов – неплохой парень и мой друг, но уж больно эмоциональный. Школа занимала левое крыло второго этажа госпиталя. Развал Советского Союза в 1993 году он перенесет весьма болезненно, начнет злоупотреблять алкогольными напитками и затем окончательно сопьется. Жена разведется с ним и уедет домой в Краснодар. Эдуард Мартиросович скончается в 1995 году от остановки сердечной деятельности. Как и предыдущий начальник, он будет похоронен на Кронштадтском кладбище. Петросяна сменит подполковник Рябчук, переведенный к нам с Северного флота. В Ленинградской военно-морской базе также произошли перемены. Полков-

ника медицинской службы Егоренкова отправили на заслуженный отдых. Начальником стал его заместитель Горенко Алексей Юрьевич. Затем через четыре года его сменил полковник Шурга Тимофей Ярославович, а последний начальник медицинской службы, кого я запомнил перед увольнением в запас в 2000 году, был Ефимов Алексей Петрович.

В 1994 году была развязана первая чеченская война, которая закончилась странным перемирием в 1996 году. А через три года началась вторая чеченская кампания, которая длилась с 1999 по 2010 год. Все это смутное время шла беспредельщина и откровенный произвол на всех уровнях, продавались земельные участки не только муниципальной собственности, но и Министерства Обороны.

В Зеленогорском военном Доме отдыха Ленинградской военно-морской базы ночью сгорает столовая странным образом, только по периметру, вдоль стен. Шесть картин из запасников Эрмитажа, висевших в столовой, таким же странным образом исчезают, «сгорев» в странном пожаре. Никакой реакции со стороны командования медицинской службы Ленинградской военно-морской базы, в ведении которой находился Дом отдыха, не наблюдалось, хотя о странном пожаре и пропаже картин в газете «Новый Петербург» были опубликованы две мои статьи. Прошел месяц после выхода последней, третьей, статьи в газете «Новый Петербург». Тишина, никто-ничего, гробовое молчание. Даже подумал, что всем безразлична судьба шести шедевров Эрмитажа. Но я

ошибался, мои статьи тихо прошли по Петербургу. Мне позвонили Михаил Иванович Яровой с Владимиром Алексеевичем Алексеевым, ветераны военной медицины, поздравили с выходом статей и предупредили, что начальник Ленинградской военно-морской базы Шурга Тимофей Ярославович очень недоволен этим фактом.

Дом отдыха готовили к банкротству, а территорию – к продаже каким-то зарубежным олигархам. Старики и подсказали, что Шурга вывез из Дома отдыха «сгоревшие» люстры, ковры и другое имущество и хранит их на складе НЗ у майора медицинской службы Пивня (по-русски Петухов). Другую часть Тимофей Ярославович передал на хранение в Кронштадтский госпиталь Рябчуку. В ту же ночь позвонил Пивень и, смеясь, доложил, что Шурга только что на двух «Камазах» вывез из его склада спрятанные у него вещи в неизвестном направлении, ругаясь нецензурно в мой адрес. А утром следующего дня разлетелась новость: ночью сгорел деревянный склад в Кронштадтском госпитале, где хранилась часть вещей, вывезенных из Зеленогорского Дома Отдыха. Начали следы замечать.

В 2010 году мне в Северную Осетию вдруг позвонил Андрей Кирилов, мой старый приятель, и рассказал, что история о «сгоревших картинах» из Зеленогорского Дома отдыха имеет продолжение. Оказывается, часть картин обнаружилась в Лондоне на аукционе, и они сейчас в распоряжении частных коллекционеров. На тот момент Андрей еще рабо-

тал в особом отделе Балтийского флота. Я сказал ему, что с картинами можно попрощаться навсегда, хотя непосредственные виновники хищения спокойно проживают в Ленинграде. Так оно и вышло.

Виктория Гессель

Как-то в конце декабря 1996 года, около шести часов вечера, возвращался домой из поликлиники по своему устоявшемуся маршруту. На улице было морозно, а я забыл перчатки дома, пальцы на руках замерзли и просили тепла, но руки в карманы шинели не засунешь. Нельзя морскому офицеру руки в карманах держать, уставом морским не разрешается, как и ношение зонта в дождь. Приходилось терпеть, но в дороге мне еще десять-пятнадцать минут дефилировать, а мороз стал крепчать.

Дошел до конца улицы Советской, когда обратил внимание на двухэтажное строение, вернее, на освещенное окно на первом этаже, затем машинально скользнул взглядом по вывеске, висевшей на стене рядом с массивной дверью учреждения. И с окончательно сформировавшимся решением направился к двери библиотеки, ибо вывеска обозначала именно ее, график работы определял закрытие учреждения в 20.00. Открыл массивную дверь и вошел внутрь. Как же здесь было тепло. Большие чугунные батареи, явно до-революционные, создавали зону комфорта в фойе библиотеки. Положил руки на батарею и сразу же одернул, она была невыносимо горячая. Сверху вдруг послышался строгий, но приветливый женский голос:

– У нас своя котельная на газе, книги сырость не любят, поэтому мы поднимаем температуру воздуха в помещениях зимой до тридцати градусов. А Вы к нам погреться или в читальный зал? Мы закрываемся через два часа. Поднимайтесь наверх, я Вас чаем с вареньем угощу, это все же лучше, чем у батареи стоять. Я заметила, как Вы мое окно разглядывали с улицы...

Сквозь зубы весело усмехнулся ее наблюдательности. Затем решительно стал подниматься, стремительно преодолев десять ступеней, и оказался перед входом в читальный зал, рассмотрев за застекленной дверью, что он был весьма емким, учитывая ровные ряды столов, стоящих в шахматном порядке. Два ряда шли вдоль стен и один-по центру, на полу между столами-ковровые дорожки, и на каждом столе размещалась настольная лампа. Уютно и тепло, что, наверняка, в первую очередь и прельщало кронштадтских читателей. На лево от входа в читальный зал находился кабинет директора библиотеки, на это указывала закрепленная на двери аккуратная табличка из латуни. Кабинет был небольшой, но и не маленький. Слева у стены стоял письменный стол, а к нему примыкал еще один стол и четыре стула. Судя по количеству стульев штат – состоял из трех-четырёх человек. Сидя за чаем с хозяйкой кабинета, мы и познакомились. Звали заведующую библиотекой, она же директор, Виктория Владимировна Гессель, незамужняя девушка лет тридцати, с явно нерусскими чертами лица. Светлый слегка завивающий-

ся волос, продолговатое бледное лицо с прямым носом и голубыми глазами с обесцвеченными ресницами- ну вылитая шведка или норвежка. И, как аксессуар, прямоугольные очки в тонкой оправе, которые завершали композицию ее красивого лица. И сейчас, сидя напротив, она откровенно, оценивающим взглядом разглядывала меня, ничуть не смущаясь, угощала чаем с брусничным вареньем и печеньем.

– Предки Ваши не шведы ли были? – спросил ее откровенно и с любопытством, – ростом вроде Вас бог не обидел, а лицом схожи с жителями Скандинавии. Не из дворянского ли сословия будете, сударыня? В Кронштадте до революции морские офицеры сплошь и рядом были выходцы из дворян Западной Европы. Я иногда такие редкие фамилии в поликлинике слышу: Бриль, Мейке, Стессель, Рошаль... , которые ранее и не встречал, так что, Виктория, колитесь и сознавайтесь. Кто Вы, доктор Зорге?

Мы беседовали более часа, она великолепно разбиралась в библиотечном деле и весьма неплохо – в мужской психологии. Заметив, что меня интересует история участия кронштадтских матросов в революционных событиях в октябре 1917 года, а также возникновение и подавление кронштадтского мятежа в 1921 году, она вышла из кабинета и вскоре принесла из архива материалы, которые при беглом знакомстве оказались мне совершенно незнакомы и вызвали неподдельный интерес. Наличие таких раритетов в архивах Кронштадта вызвало нескрываемое удивление. Откуда в провин-

циальной библиотеке такое богатство?!

Виктория вновь ненадолго удалилась, а когда вернулась, в ее руках я заметил книгу с обложкой светло-коричневого цвета, где-то на шестьсот страниц. Протянув ее мне, стала внимательно наблюдать за моей реакцией. На обложке было написано: «Судебные процессы над правотроцкистским блоком в 1937 году», а сверху стоял штамп ДСП (для служебного пользования). Я обомлел от того, что впервые держал в руках материалы суда над целой группой троцкистов, да и каких выдающихся: Бухарин Николай Иванович, Рыков Алексей Иванович, Пятаков Георгий Леонидович, Сокольников Григорий Яковлевич, Радек Карл Бернгардович, Серебряков, Леонид Петрович, Лившиц Яков Абрамович, Муралов, Николай Иванович, Дробнис Яков Наумович, Богуславский Михаил Соломонович, Князев Иван Александрович, Ратайчак Станислав Антонович, Норкин Борис Осипович, Шестов Алексей Александрович, Строилов Михаил Степанович, Турок Иосиф Дмитриевич, Граше Иван Иосифович, Пушкин Гавриил Ефремович, Арнольд Валентин Вольфридович. Они обвинялись в том, что, будучи активными участниками антисоветской подпольной троцкистской организации, совершили преступления, предусмотренные ст. ст. 58-1а, 58-8, 58-9 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР (госизмена).

А вот и военные маршалы, готовившие антисталинский переворот. Закрытое заседание Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР по делу состоялось

11 июня 1937 года. Все подсудимые были признаны виновными и расстреляны немедленно по вынесении приговора.

В их числе маршал Советского Союза Михаил Тухачевский – бывший 1-й заместитель наркома обороны СССР, на момент ареста командующий войсками Приволжского военного округа;

командармы 1-го ранга:

Иона Якир – командующий войсками Киевского ВО;

Иероним Уборевич – командующий войсками Белорусского ВО;

командарм 2-го ранга Август Корк – начальник Военной академии им. Фрунзе;

командиры корпусов:

Роберт Эйдеман – председатель Центрального совета Осоавиахима;

Витовт Путна – военный атташе при полпредстве СССР в Великобритании;

Борис Фельдман-начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА;

Виталий Примаков – заместитель командующего войсками Ленинградского ВО;

Ян Гамарник – армейский комиссар 1-го ранга, первый заместитель наркома обороны СССР, начальник Политуправления РККА. Этот враг народа, как я помню, перед арестом успел пустить себе пулю в голову.

Эти материалы с грифом для служебного пользования

можно было читать только лишь партийной номенклатуре уровня секретарей горкома или райкома, но никак не ниже!

– Послушай, Вика, откуда у вас такое богатство?! И куда ты постоянно бегаешь и приносишь удивительные и редкие раритеты, один другого интереснее, которые, как мне кажется, должны храниться только в столичных библиотеках. Можно мне хотя бы одним глазом взглянуть на ваше хранилище?

Довольная произведенным эффектом, она самодовольно улыбалась, что заставила меня ощутить зуд книгомана:

– Во время войны все библиотеки Ленинграда свозили свои архивы в Кронштадт на хранение, а после победы забирали обратно, но не все. Многие переданное нам было не востребовано по разным причинам, ну и мы молчали, то есть не докладывали. И если тебе так интересно, могу показать архивные стеллажи, правда, придется на второй этаж подняться, но тогда необходимо входную дверь в библиотеку на задвижку запереть, чтобы никто не вошел в наше отсутствие. Ее последнему предложению я тогда не придавал особого значения и, как оказалось, зря, Виктория Владимировна верно рассчитала дальнейший ход событий с учетом моего неумолимого желания познакомиться с материалами архива.

Закрыв входную дверь библиотеки, мы поднялись на второй этаж. В помещении архива было также тепло и сухо, стеллажи с книгами и фолиантами стояли в шесть рядов. Виктория щелкнула выключателем, и яркий свет озарил все

помещение. В большой просторной комнате полная тишина, окна в архиве отсутствовали. В центре стоял дореволюционный диван, обитый не дерматином, а какой-то плотной ковровой тканью. Рядом-современный журнальный столик. Виктория устало присела, а я бегло просмотрел стеллажи, затем, выбрав две заинтересовавшие меня книги, присел рядом с ней на диван и стал знакомиться с их содержанием. От увиденного сегодня и от полученного избытка информации мой мозг явно переутомился. Устало откинувшись на спинку дивана, вдруг заметил, что юбка директора библиотеки задралась выше колен, обнажив белоснежную кожу двух прекраснейших ног. Виктория и не пыталась их прикрыть, а тем более – защищать, что означало разрешенное руководство к действию...

Так вот, сочетая в дальнейшем мои духовные усилия и ее плотские желания, в течение последующего года я отдал всего себя исследованию редких архивных материалов, которые находились в ее ведении. Ну и директор библиотеки, надо полагать, была счастлива от того, что нашла постоянного собеседника и единомышленника, который безмерно радовался обнаруженным архивам и неограниченному пользованию ими, а также благосклонностью Виктории, обладающей такой разновидностью интересов и талантов.

Однако подошло время закрывать подведомственное учреждение в соответствии с вывешенным графиком работы. Подождал пока она обесточила помещения и закры-

ла библиотеку, предварительно сдав под охрану милиции. Предложил проводить ее, ибо уже достаточно стемнело, но Виктория отказалась, объяснив, что живет рядом. Попрошавшись, каждый из нас направился к себе домой...

В последующие дни и недели я взахлеб зачитывался воспоминаниями Федора Раскольников, Владимира Антонова-Овсеенко и дневниками Семена Рошаля. Они с удивительной точностью описали начало «красного террора», ознаменовавшегося массовыми убийствами офицеров и адмиралов Балтийского флота во время Февральской революции. Как пелось в «Рабочей Марсельезе»:

«Отречемся от старого мира! Отряхнем его прах с наших ног!».

В ночь со второго на третье марта, когда император Николай II подписал акт отречения от престола и должности главнокомандующего всеми русскими войсками, манифест об этом был разослан телеграммой во все войска. Эта новость послужила сигналом к спонтанному уничтожению офицеров Балтийского флота. Первой жертвой стал вахтенный лейтенант Г.А.Бубнов, отказавшийся менять Андреевский флаг на революционный красный на линкоре «Андрей Первозванный». Разгневанные матросы подняли лейтенанта на штыки. Это послужило сигналом для расправы над офицерами Балтийского флота. На трапе флагманского корабля 2-й бригады линкоров «Андрея Первозванного» был застрелен и сам начальник бригады адмирал Аркадий Небольсин. Затем мат-

росы офицеров и адмиралов флота стрелять перестали, просто кололи их штыками. Этой же ночью были убиты главный командир Кронштадтского порта адмирал Роберт Вирен, начальник штаба Кронштадтского порта адмирал Александр Бутаков, командующий Балтийским флотом адмирал Адриан Непенин – их трупы сбросили в Петровский овраг за памятником адмиралу Макарову. Следом за ними их жертвой пал комендант Свеаборгской крепости генерал-лейтенант по флоту Вениамин Протопопов, командиры 1-го и 2-го Кронштадтских флотских экипажей Николай Стронский и Александр Гирс, командир линейного корабля «Император Александр II» капитан 1-го ранга Николай Повалишин, командир крейсера «Аврора» капитан 1-го ранга Михаил Никольский и десятки других морских и сухопутных офицеров.

По разным оценкам, тогда на базах Балтийского флота в Гельсингфорсе (Хельсенки), Кронштадте и Ревеле погибли до 153 офицеров, из которых были убиты (в Гельсингфорсе-90, в Кронштадте-36, в Ревеле- 15 и в Петрограде- 12). Ночью третьего марта одних адмиралов Императорского флота было убито 28 из 106. Для сравнения: все флоты и флотилии России потеряли с начала Первой мировой войны всего 245 офицеров. Кстати, казнями офицеров и адмиралов в Гельсингфорсе (Хельсенки) и Свеаборге руководил лично член большевистской партии Павел Ефимович Дыбенко, ставший впоследствии первым народным комиссаром по морским делам РСФСР. И он же будущий супруг Александры Михай-

ловны Коллонтай (Домонтович), из дворянского рода Домонтовичей, известной революционерки, порвавшей со своим прошлым. Печать того времени твердила на все лады об удивительной «Великой бескровной революции». Поэтому о многочисленных убийствах на флоте вначале умалчивалось. Но умолчать об убийствах флотских офицеров и адмиралов было для печати значительно труднее, так как они происходили на базах флота, в многолюдных центрах, на глазах многочисленных свидетелей.

Я рассуждаю сейчас, почему в «бескровной» революции погибло столько морских офицеров? Почему по отношению к ним так жестоко тогда поступали матросы? Почему вдруг родилась такая злоба, такая ненависть?

Думаю, что серьезных причин было несколько: во-первых, адмиралы и офицеры Императорского флота были в основном выходцами из западной Европы- обрусевшие немцы, шведы, датчане, голландцы и пр., которым русские матросы просто не доверяли – «фамилии не наши».

Во-вторых, флот всегда отличался консервативностью взглядов и традиций, где к любым революционным движениям всегда относились негативно и жестоко подавляли, а давили они же – офицеры и адмиралы Императорского флота, так за что же матросам было любить этих своих палачей. Например, в ходе Кронштадтского восстания второго-третьего августа 1906 года, сразу после захвата форта «Великий Князь Константин» правительственными войска-

ми непосредственно на форте состоялся военно-полевой суд над захваченными там минёрами. К смертной казни были приговорены 7 минёров, приговор был приведён в исполнение немедленно и там же. По свидетельствам очевидцев, руководивший судом генерал-майор А.А.Адлерберг превратил суд и казнь в издевательство над осуждёнными, сначала заставил их самим рыть себе могилы. После расстрела могилы сравнивали с землёй, и по ним маршем под музыку прошли войска, а затем провели остальных арестованных. Третьего августа 1906 года состоялся второй суд уже в Кронштадте, приговором которого к смертной казни были осуждены 7 матросов и 3 солдата. К разным срокам тюрьмы и каторги -137 человек. Приговорённых расстреляли седьмого августа на батарее «Литке». 18 сентября состоялся третий суд, приговоривший 19 человек к расстрелу и 760 к тюрьме и к каторге. Всего было расстреляны 36 человек, 130 человек приговорены к каторжным работам, 316- к различным срокам тюремного заключения, 935- к отбыванию наказания в исправительно – арестантских отделениях, в дисциплинарный батальон направлено 97 человек. Материалы эти описали в своих воспоминаниях Семен Рошаль и Федор Раскольников – бывший редактор кронштадтской газеты «Голос Правды», и которые через 79 лет мне благосклонно предоставила Виктория Гессель.

Третьей и основной причиной уничтожения офицеров Императорского флота, считаю, унижение матросов и поощ-

ряемый мордобой со стороны офицеров, которым они подвергались практически, ежедневно и весьма часто, в целях воспитания в отношении избиваемого и в назидание для остальных членов экипажа.

В Кронштадте центральный проспект носит имя вождя революции Владимира Ленина, но ранее он назывался Дворянской улицей, где по солнечной стороне разрешалось ходить лишь лицам, принадлежавшим к дворянскому сословию. И если простолюдины заходили не на ту сторону улицы, то городовые вначале давали пощечины «зарвавшимся» представителям низших слоев, а затем изгоняли на другую сторону оной. Как же тут не ненавидеть этих своих мучителей и хамов, потому лично я был согласен с концепцией большевиков: «Если враг не сдается, его уничтожают».

Нас со школьной скамьи учили, что класс эксплуататоров добровольно никогда свою власть не отдаст и забирать ее надо будет силой, то есть физически уничтожив представителей старой власти. Революции не делают в белых перчатках. И.Сталин в своей книге «Вопросы ленинизма» прямо указывал, что пока существует угроза реставрации капитализма, необходимо обострение классовой борьбы по мере дальнейшего развития социалистического общества. Что предполагало перманентную чистку рядов нашего общества от неправильных людей, мешающих развитию экономической мощи страны и благополучию нашего народа. Ну и где ошибся И.Сталин? Не прислушались к словам вождя и получили

то, что сейчас имеем: главный троцкист и бандеровец Никита Хрущев передал своим единоличным решением в 1954 году Крымский полуостров Украине, объявил всеобщую амнистию в 1956 году всем полицаям и бандеровцам выходцам с Западной Украины. Своевременно не дал уничтожить бандеровщину на Украине, и когда она расцвела тысячами шушкевичей и бандер, России пришлось начать специальную войсковую операцию по восстановлению конституционного порядка и проведения денацификации, теряя лучших сынов России. А что было бы с Ворошиловым или Маленковым, если бы в 1956 году они физически устранили троцкиста Хрущева? Думаю, что не было бы развала СССР, не было бы амнистии бандеровцам и полицаям, но увы, «верные сталинцы» Ворошилов и Маленков не решились, а позже Никита Хрущев выкинул все старое политбюро на свалку истории, вот что бывает с нерешительными людьми. А сейчас главный бандеровец спокойно покоится на Новодевичьем кладбище среди истинных героев. Как говорят у нас в народе, «намутил и сбежал» ...

В течение последующего года я продолжал черпать и совершенствовать свои знания благодаря предоставленной возможности работе с архивными материалами. В частности, через мои руки прошли разосланные в 1953 году из ЦК КПСС по городским и районным комитетам партии разъяснения о причинах ареста Лаврентия Павловича Берия, суде и расстреле его в гарнизонной комендатуре г. Москвы. Я имел

возможность держать в руках огромного размера книгу, тесненную золотом, называемую «Триста лет дома Романовых» изданную в 1913 году, неделю изучая родословную всех царей Руси и России.

Но любому доброму началу всегда следует неизбежный финал. Скорее всего, Вероника привыкла к моим частым посещениям библиотеки, и у нее возникли иллюзорные планы относительно наших отношений. Ее назойливость и выдуманные необоснованные претензии окончательно положили конец нашему симбиозу. Меня лично интересовали в первую очередь книги, ее же привлекала романтика высоких чувственных взаимоотношений с выходцем из горной местности, эдаким экзальтированным абреком с орлиным взором и носом, ну и, конечно, с обязательным присутствием открытых низменных инстинктов. 27 мая 1998 года я зашел к ней поздравить с Днем библиотекаря, встреча, начавшаяся вначале бурными упреками и претензиями, все же закончилась мирным исходом, и после объяснений и выяснений мы окончательно расстались.

Бригада

Кронштадтская 106 бригада надводных кораблей охраны водного района Ленинграда состояла из двух дивизионов больших, средних и малых тральщиков, и дивизиона малых противолодочных кораблей. Располагались они по обе стороны одного длиннющего пирса между Купеческой и Средней гаванью, недалеко от дворца Меншикова, где штаб дивизии занимал правое крыло основного корпуса. По левую руку со стороны Купеческой гавани на пирсе борт к борту стояли шесть малых противолодочных кораблей 12-го дивизиона, рядом пришвартованы еще пять больших и средних морских тральщиков 23-го дивизиона. По другую сторону пирса в Средней гавани стояло семь малых тральщиков 122 дивизиона. Далее следовала стоянка учебных кораблей, а последними располагались гидрографические корабли разведки. На самом конце пирса возвышался деревянный пятнадцатиметровый действующий маяк, в настоящее время он музейный реликт, и по субботним и воскресным дням к нему допускают туристов.

Когда я прибыл в бригаду, ее возглавлял капитан первого ранга Романенко Григорий Романович, нудный старик с вечно слезящимися глазами. Вскоре, однако он ушел в отставку, это произошло в год, когда мне присвоили очередное

звание – майор медицинской службы. После Романенко бригаду возглавил капитан первого ранга Бензеев Иван Владимирович, красивый мужчина с приятным баритоном и пышной шевелюрой, слегка тронутый сединой, весьма неплохо подкованный в вопросах стратегического и тактического использования военно-морского флота.

Помню, когда флот Великобритании выяснял отношения с Аргентиной по поводу принадлежности Фолклендских островов (Мальвинских), Иван Владимирович вел карту боевых действий и частенько, собирая нас у себя в кабинете, доводил до нашего сведения карту боевых действий обоих флотов. Через недели три Аргентина признала поражение, и острова остались за Великобританией. Мне почему-то было жаль Аргентину, может потому, что Че Гевара был родом из этой страны. В то же время мне крайне неприязненна была Маргарет Тэтчер, на тот период премьер-министр Великобритании. Она мне запомнилась подобием чопорной мужеподобной личности с кривым грузинским носом и постоянной фальшивой улыбкой на лице. В 1990 году она подала в отставку с должности премьер-министра Великобритании, которую она занимала одиннадцать лет. Начиная с 2005 года и до конца жизни, она страдала деменцией (старческим слабоумием), этой же болезнью сейчас болен действующий президент США Байден.

Об ее идиотизме говорит тот факт, что ещё при жизни Тэтчер составила детальный план своих похорон, а подго-

товка к ним велась с 2007 года, то есть за шесть лет до своей смерти. На своих похоронах, согласно плану, «железная леди» желала присутствия королевы Елизаветы II, членов королевской семьи, а также крупнейших политических деятелей эпохи ее правления, включая экс-президента СССР Михаила Горбачёва, который почему-то отказался от столь лестного приглашения. Официальная версия отказа – не смог прибыть по состоянию здоровья. Думаю, настоящая причина отказа – патологическая жадность Михаила, наверняка ему не оплатили билет туда и обратно. Между прочим, день смерти Тэтчер восьмого апреля 2013 года в старой доброй Англии многие бурно праздновали и устраивали уличные вечеринки в честь ее кончины. При этом исполнялась песня «Динь-дон, ведьма сдохла». Это ли не показатель всеобщей ненормальности англосаксов! Тем не менее, в апреле 2013 года эта песня заняла в официальном сводном хит-шоу Великобритании второе место.

Но вернемся в Кронштадт. Ранней весной корабли бригады выходили на кронштадтский рейд в Финском заливе, где проводили тренировки и учения по слаженности и отработке взаимодействия, а офицеры штаба занимались двухнедельной боевой подготовкой. Все это в целом называлось подготовкой к новому учебному году. Обычно мы выдвигались на форты, где занимались огневой подготовкой под руководством опытных инструкторов – знающих свое дело офицеров и мичманов бригады. Офицеры штаба обычно занима-

ли форт Обручев и Тотлебен, а на ночь располагались в каютах и кубриках тральщиков. Командир бригады Бензеев относился к боевой подготовке серьезно, и поэтому считал, что каждый офицер соединения должен уметь стрелять из пистолета, автомата и пулемета и уметь пользоваться «карманной артиллерией» – гранатами и лимонками. Днем офицеры получали огромные полиэтиленовые мешки с патронами от АК и пистолета Макарова, сами заряжали обоймы и часами стреляли по мишеням. На третьи сутки шум выстрелов нам всем поднадоел. Однако хуже всего было заряжать обоймы, очень скоро пальцы у всех покрылись ссадинами и порезами – края обоймы у Калашникова весьма острые и постоянно царапали кожу при зарядке патронов. Но выход нашли: матросы срочной службы стали набивать нам обоймы, а за это им разрешали стрелять по мишеням по две-три обоймы, но обязательно в присутствии офицеров.

Вот чего я не умел, так это метать гранаты и лимонки, и меня это сильно задевало. Попросил двух мичманов 122 дивизиона Жору Бутнару и Володю Пономаренко научить меня этому премудрому делу. Они с некоторым удивлением согласились, ибо ни один офицер ранее не обращался к ним с такой просьбой, наверное, многие все же считали это опасным делом и, думаю, не без основания. Оба мичмана родом были из Молдавии, следовательно, весьма практичны и предприимчивы. Вся хитрость моего обучения заключалась в следующем. Мы втроем загрузились в корабельную двухвесель-

ную шлюпку и отплыли подальше от береговой линии форта, эдак метров на сто пятьдесят – двести, когда они попеременно стали преподавать мне азы гранатометания:

– Руслан Георгиевич, обучать Вас будем на примере пользования ручной гранатой РГ-42 – «наступательная», с радиусом поражения до семи метров. Перед тем, как метнуть ее подальше, необходимо вкрутить вот этот запал с кольцом в тело гранаты, затем отогнуть ее усики, предварительно переложив ее в правую руку и одновременно прижимая всеми пальцами правой кисти предохранительный рычаг к телу рубашки гранаты. А левой рукой аккуратно извлечь кольцо из вкрученного предохранителя. Она не взорвется, пока пальцы прижимают предохранитель. Затем ее надо метнуть подальше от лодки в воду, время ожидания взрыва – четыре секунды, при этом она успевает погрузиться под воду на глубину полутора метров, что весьма достаточно для нашей безопасности. После того, как гранаты взорвутся под водой, нам останется лишь собрать сачками оглушенные крупные экземпляры рыбы, а вечером мы сварганим двойную уху для всего личного состава... Чисто молдавский подход – сочетание приятного с полезным.

Я правильно оценил всю серьезность ситуации и мысленно повторил несколько раз все манипуляции, которым меня обучили мичмана. Наконец, когда мной была усвоена последовательность всех действий и движений, я подтвердил своим учителям решимость и готовность к боевому броску.

Спокойно, как будто занимался этим всю жизнь, выдернул кольцо из гранаты и бросил ее рядом со шлюпкой. Мичмана в ужасе застыли, я даже не успел испугаться, когда раздался подводный взрыв точно через четыре секунды после моего броска. Черная от копоти вода взметнулась вверх, и часть ее попала в шлюпку. В левом ухе что-то звенело. Несколько секунд мы молча таращились друг на друга, мокрые с ног до головы, однако никто не был ранен, днище лодки также не было пробито осколками.

И вдруг неожиданно для себя предлагаю одуревшим мичманам вновь повторить бросок с моей подачи, чтобы загладить свой проступок, иначе чувство страха мне никогда не подавить, и оно останется на всю жизнь. Зачем я пошел на повторный бросок сам не знаю, просто решил, наверное, что так надо. Они почему-то тоже сразу согласились, и я вновь бросил гранату, но уже на удалении пяти метров от левого борта. Потом еще два раза по правому борту, но уже с точным соблюдением всех инструкций. Всюду, где прикоснулся гнев божий моими руками стала всплывать оглушенная рыба. Мы сачками загрузили ее в пластиковые мешки из-под патронов. Получилось два полных мешка, мелкую рыбу мы даже не собирали. Затем решили перекурить, и тут нервы у сверхсрочников сдали, и они перешли на родной молдавский язык, и не стесняясь в выражениях, прошлись по мне вдоль и поперек. Успокоившись, мичмана попросили о происшедшем никому не рассказывать, что и было мною обещано. По-

здравив меня с боевым крещением и приобретением новой специальности, попросили компенсацию за нанесенный моральный ущерб. В эту ночь я поставил им две литровые бутылки водки под тройную уху и жаренную рыбу. Отмечали у костра приобретенные мной навыки и со смехом вспоминали страхи моего обучения. Я благодарен им за то, что научили меня пользоваться гранатами. Это ведь как на велосипеде ездить научиться, потом никогда не забудешь равновесие держать, педали крутить и вовремя выдернуть кольцо.

К моему большому сожалению, зимой 1987 года в 300 мороз мичман Володя Пономаренко, находясь в нетрезвом состоянии, выпадет за борт и скончается от переохлаждения, но доставать вначале пришлось глыбу льда, куда он вмерз, предварительно выпилив его из льда Финского залива. Оттаявшее тело Володи в закрытом гробу командование отправит на родину мичмана в Молдавию. Командир бригады Иван Владимирович Бензеев подаст рапорт по команде, что смерть мичмана Пономаренко наступила в период нахождения его на воинской службе при выполнении служебных обязанностей. У Володи осталось двое несовершеннолетних детей и супруга, а с этой формулировкой семья будет получать повышенную пенсию. Жора Бутнару переведется в дивизию и после окончания срока службы и выхода в запас останется в Кронштадте на постоянное место жительства.

По завершению боевой и политической подготовки на фортах, корабли бригады вернулись на места постоянной

дислокации, где мы, флагманские специалисты штаба, продолжили повседневную работу в подразделениях. Утром – на кораблях дивизионов, а после обеда – в штабе с документацией.

Как-то прибыл с флагманами в 123 дивизион: проверил укомплектованность аптечек экстренной помощи на кораблях, провел тренировки с личным составом двух кораблей по оказанию первой медицинской помощи при ранениях в конечности и тампонаду сквозных ранений в грудную клетку индивидуальным перевязочным пакетом (ИПП), опросил матросов по знанию и использованию индивидуальной аптечки (АИ), провел опрос жалоб и заявлений у личного состава, а также выборочные телесные осмотры на предмет неуставных взаимоотношений. По устоявшимся правилам и флотскому этикету флагманские специалисты после проверки были обязаны изложить свои замечания командиру подразделения для последующего устранения.

Дивизионом командовал капитан третьего ранга Вугло Вячеслав Михайлович, мой хороший приятель, и когда мы – флагманские специалисты направились к его штабному помещению на дивизионе для подведения итогов проверки, заметили, что происходит что-то необъяснимое. В кабинет к Вячеславу Михайловичу на наших глазах прибыло практически все начальство кронштадтской дивизии во главе с начальником особого отдела, и у всех у них были суровые и озабоченные лица, не предвещавшие ничего хорошего. Мы

стали понимать, что произошло что-то очень серьезное и весьма поганое, а через два часа вся бригада знала суть дела. Как выяснилось, Вячеслав Михайлович работал с секретной документацией у себя в кабинете, когда его пригласили на пирс офицеры штаба дивизии для решения каких-то рабочих моментов. Убрав секретные документы в ящик стола, он поспешил наружу к ожидающим его офицерам, двери в кабинет он не запирает...

Этим воспользовался старший лейтенант Александр Махно и, когда его командир вышел на пирс, мгновенно достал документы из ящика стола. Запрятав их за ворот шинели, пронес на свой корабль и затем спустил в фановую систему, что на гражданском языке означает в канализационную трубу. Минуту спустя Вячеслав Михайлович обнаружил пропажу документов и немедленно доложил своему непосредственному начальнику – командиру бригады и в особый отдел дивизии. Как они заставили офицера Махно сознаться в краже и попытке уничтожить секретную документацию, осталось тайной, но старший лейтенант признался во всем. И как результат, его признаниями был нанесен весьма ощутимый ущерб корпусу корабля. Пришлось вырезать трубу фановой системы, и, только пересчитав количество листов в документе, все облегченно выдохнули. Выяснилось, что старший лейтенант Махно ранее понес наказание от командира дивизиона за какой-то незначительный проступок. Вугло объявил ему выговор, а тот посчитал его необоснованным и

решил таким образом отомстить своему начальнику. И вот что из этого вышло.

Самое интересное в этой истории было то, что они оба украинцы и урожденные города Запорожье. Это меня заставило глубоко задуматься о происшедшем. Если бы Махно не признался в содеянном, то его командира подразделения, наверняка, посадили бы на лет семь. Оказывается, вот какими мстительными могут быть эти украинцы! В лихие девяностые капитан первого ранга Вугло возглавит арсенал на форте Красная Горка, откуда и будет уволен в запас по выслуге лет. Это был честный и принципиальный офицер.

По-другому сложилась судьба Александра Махно. Он оставил воинскую службу и стал крупным бизнесменом, владельцем «заводов, фабрик и пароходов». Однако в 2004 году его тело с огнестрельными ранениями было обнаружено в море недалеко от города Севастополь. Бизнес – дело жесткое, обманов не прощает и там выговора не объявляют.

В 1987 году я поступил на первый факультет руководящего медицинского состава при военно-медицинской академии им. С.М.Кирова, которую с отличием окончил спустя два года. Затем еще два года служил в 15-ой бригаде строящихся и ремонтирующихся кораблей на Васильевском острове в Ленинграде. Не все офицеры смогли пережить закат и развал СССР. Мой бывший командир бригады Иван Владимирович Бензеев, как раз и стал жертвой не перенесшей падения советской власти и разрушения великого государства.

Не пережив его развала, он стал злоупотреблять алкоголем – другими словами, «сел на стакан», повторив судьбу многих офицеров военно-морского флота. Его вначале перевели из Кронштадтской дивизии командиром 15-ой бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей на Васильевском острове в Ленинграде, где я служил под его началом еще два года. Это был уже не тот командир, которого я знал по Кронштадту, ибо пил он каждый божий день. Мне было искренне жаль этого опустившегося человека. Как он закончил свою жизнь, мне не ведомо.

В 1991 году я был назначен начальником 102 поликлиники Ленинградской военно-морской базы, которую возглавлял в течение десяти лет. В 2000 году в возрасте сорока шести лет я был уволен в запас по выслуге лет, а еще через два года навсегда покинул Ленинград и его Кронштадтский бастион.

Катя

В дверь кабинета негромко постучали, вошла Лариса Федоровна, секретарь кронштадтской военно-врачебной комиссии, и сообщила очередную новость:

– Руслан Георгиевич, к Вам на прием пришла девочка. Вы ее примете?

Этот день ничем примечательным не выделялся и не отличался от других какими-либо исключениями. Я сидел за письменным столом и анализировал квартальные показатели в сравнении с прошлым годом, а поликлиника занималась повседневными делами, то есть осуществляла прием, обследование и лечение действующих офицеров и в запасе, а также членов их семей.

– Странно, какая девочка? Конечно, пусть войдет, посмотрим, что за фрукт и с чем его едят.

В дверях показалась высокая девчушка в школьной форме, очень даже хорошая моя знакомая. Вернее, было бы сказать, что хорошими знакомыми были ее родители, с которыми я поддерживал дружеские отношения вот уже пять лет. Девочку звали Катя Смирнова, ей было пятнадцать лет, как и моей старшей дочери. Мама Кати работала в кронштадтской администрации, папа – старший следователь РОВД города Кронштадта. Я пригласил Катю, махнув в сторону ди-

вана рукой:

– Здравствуй, Катя, проходи, присаживайся. Рассказывай, как дела в школе? Как поживают родители? И что тебя привело к нам в поликлинику?

То, что я услышал в следующую минуту от пятнадцатилетней девочки в ужас меня не повергло, но весьма удивило и ошарашило. Скажем так, не каждый день приходится такое слышать.

– Дядя Руслан, я беременная, помогите мне, пожалуйста!

А что могло быть хуже услышанного сейчас от школьницы, сидящей передо мной на диване. И как я, подполковник медицинской службы, должен буду ей помочь и каким образом, если выход при таких делах только один – прерывание беременности, или выйти замуж за соблазнителя, но не в таком же юном возрасте. Мама с папой, конечно, не проинформированы. Начальник военно-морской поликлиники кронштадтского гарнизона, а напротив сидит девятиклассница – ровесница моей старшей дочери с весьма странной просьбой. Оригинально и неожиданно!

– Катя, а твои папа и мама в курсе этого?

– Они ничего не знают, но, если узнают, они меня точно убьют!

Напряженно думаю о сложившейся ситуации и что мне по ней сейчас предпринять. Родители Кати убивать ее, естественно, не будут, однако могут сорваться и устроить шум, о чем впоследствии будут жалеть. Психика девочки может не

выдержать такого напряжения, и она явно может что-нибудь сотворить с собой. Был такой случай в Кронштадте, когда обманутая девушка покончила с собой – отравилась барбитуратами, но той было восемнадцать лет, а Катя в девятом классе учиться, и ей всего пятнадцать, что еще хуже.

– А какой срок беременности, Катя?

– Не знаю, дядя Руслан, но месячные третий месяц отсутствуют. Помогите мне пожалуйста, но родителям не сообщайте!

Внимательно всматриваюсь в объятое тревогой лицо девочки. А ведь действительно этот подросток с отчаяния может чего натворить, если сейчас она выйдет от меня, не будучи уверенной в решении ее вопроса. Видно, я для нее – действительно последняя инстанция и надежда, если уж ко мне пришла. Ну и дела!

– Катя, а от кого ты забеременела, кто он?

Девочка называет фамилию одноклассника, которая мне ничего не говорит. Родителей его, судя по всему, я и не знаю, да и не даст это ничего, скорее всего они от этой ситуации отмежуются.

– Ладно, Катя, сейчас будем думать, как тебе помочь. Ты посиди здесь, я через три минуты вернусь.

Захожу к Ларисе Федоровне и ставлю ее в курс последних событий. Лариса Федоровна старше меня на пятнадцать лет, мудрая и рассудительная. Я не считаю зазорным иногда советоваться с ней.

– Руслан Георгиевич, не берите на себя этот груз, расскажите ее маме, она умная женщина и примет правильное решение. Вы по сути ей никем не доводитесь, и не Вам решать проблему. Расскажите все матери Кати, вот Вам мой совет.

– Послушай, а если девочка с собой что-нибудь сделает? Разве мало таких случаев было. У нее сейчас в голове сумбур и страх от ужаса содеянного. И как дальше потом, если она натворит дел?

Лариса Федоровна настаивает на своем, но я уже принял решение. Возвращаюсь в кабинет и смотрю телефонный справочник. Наконец, искомый номер найден, и я его решительно набираю. Звоню заведующей кронштадтского Родильного дома Холодовой Галине Николаевне и прошусь на срочную встречу с ней. С Катей выходим из поликлиники и направляемся на выход, уже в коридоре заглядываю к Ларисе Федоровне и предупреждаю, что меня не будет с полчаса. Она осуждающе качает головой.

С Галиной Николаевной мы давнишние знакомые, а с ее бывшим мужем Юрием мы были в депутатах Кронштадтского районного Совета еще в начале девяностых. Они в разводе уже два года и в настоящее время вместе не проживают. Ее бывший супруг перебрался в Псковскую область на постоянное место жительства. На втором этаже Родильного дома прошу Катю подождать меня в приемной заведующей, приоткрываю дверь и прошу разрешения войти. В кабинете застаю помимо хозяина подведомственного учреждения

и мою хорошую знакомую врача акушер-гинеколога Родильного дома Маргариту Подлужную, и это так кстати. Поздоровавшись, излагаю им в подробностях сложившуюся ситуацию. Сидящие напротив меня милые женщины очень хорошо знают маму Кати Смирновой и, когда я закончил свой рассказ, они странно переглядываются. А что они еще могли подумать, если к ним привел несовершеннолетнюю девочку сам начальник гарнизонной поликлиники. Спешу объяснить им происшедшее несколько с другого ракурса, называя фамилию одноклассника, от которого забеременела Катя. Мои собеседницы успокоились, интриги не вышло, но они великолепно знают семью молодого соблазнителя. Мама работает завучем по воспитательной работе, и именно в той школе, где учатся обе жертвы любви, а папа школьника преподает в каком-то ленинградском институте. Далее втроем обсуждаем сложившуюся ситуацию и приходим к одному общему выводу, что необходимо пригласить Катю и объяснить ей необходимость немедленного прерывания беременности, если таковое возможно вообще из-за ее сроков. Тяжелую миссию разговора с матерью девочки возложили на меня. Катю забрала в смотровую Подлужная и, осмотрев ее, определила срок беременности, который по времени уже требовал немедленного вмешательства. Она объяснила девочке, что завтра ей придется с утра прибыть к ней и до вечера находиться под ее надзором, то есть пропустить учебу в школе. Катя облегченно вздыхает и обещает быть ровно в назначен-

ный срок...

Вся процедура на следующий день прошла без сучка и задоринки, то есть без каких-либо осложнений. Катя была безмерно счастлива, что все так благополучно завершилось. Подлужная впоследствии рассказала мне, что держалась она молодцом. Да я и сам чувствовал правильность совершенного. Но что-то подсказывало, что я обязан поставить в известность маму Кати, я и сделал это, правда, спустя два месяца после описанных событий. Во-первых, Катя к тому времени полностью восстановила свое здоровье и пришла в себя после сильнейшего стресса, а это уже была индульгенция для меня со стороны Татьяны Львовны, мамы Кати. Во-вторых, мое вмешательство было несомненно оправдано результатом моих действий и прошедшим временем, ибо родители и их дочь избежали огласки и позора.

Поэтому набравшись мужества, я зашел к ней в администрацию местного самоуправления города Кронштадта, что находилась на проспекте Ленина. Татьяну застал в кабинете одну, она была рада моему приходу и довольно приветливо меня встретила. Я дружил с папой и мамой Кати и нередко бывал у них в гостях. Учтиво поздоровавшись, присел напротив и потихоньку в хронологическом порядке начал неторопливо излагать ей все события, связанные с ее дочерью от начала до конца. За все время моего монолога она не разу меня не перебила и не задала ни одного вопроса. В конце я обозначил все лица, которые были информированы

о происшедшем или были непосредственными участниками мероприятий по восстановлению Status quo – «возврата к исходному состоянию». Мертвенная бледность растеклась по ее лицу и сохранялась все время пока я говорил. Наконец, я замолчал. Таня сидела с закрытыми глазами, опершись головой на руки, и горькие слезы стекали по ее щекам. Через минуты две, взяв себя в руки, спросила:

– Как думаешь, родители мальчика в курсе этого?

– Сложно сказать, мальчик мог им ничего не рассказать, или же, испугавшись, наоборот поставил их в известность. Думаю, что сейчас поднимать шум и предъявлять какие-либо претензии к родителям будет излишне, они могут предать огласке происшедшее, а это не в твоих интересах. И особенно для Кати. Смотри сама, о содеянном знает ограниченное количество лиц, и нежелательно дальнейшее распространение информации. И еще тебе отлично известно, что общество всегда осуждает в первую очередь девушку, а не парня...

Уходил от Татьяны Львовны с каким-то облегчением, понимая, что влез в чужие семейные дела, но не мог поступить иначе, ибо выбрал из худшего лучший вариант. Я и сейчас считаю, что, верно, поступил. А если, допустим, был неправ, зачем Холодова и Подлужная стали бы помогать Кате Смирновой!

С тех событий прошло двадцать шесть лет. Я давно проживаю в Северной Осетии. Мой сын работает в закрытом

бюджетном учреждении во Владикавказе, и по роду служебных обязанностей нередко выезжает в командировки. Вот и недавно он вернулся из очередной командировки в первопрестольную, то есть из Москвы. И надо же такому случиться, что на Красной площади совершенно случайно столкнулся с Катей Смирновой. Она теперь живет в столице, и у нее двое детей. Между прочим, расспрашивала обо мне. Тимур ей рассказал, что я не работаю, вышел на пенсию. Она просила передать мне привет.

Земляки

Неторопливой походкой я шел по улице Джанаева в направлении проспекта Мира – этот район когда-то считался центром Владикавказа, как вдруг неожиданно услышал мужской голос, явно обращенный ко мне:

– Извините, уважаемый, Вас не Руслан зовут? Вы в Кронштадте не были начальником поликлиники?

Обернувшись на голос, обратил внимание на стоящего в открытых дверях магазина верхней одежды мужчину лет пятидесяти с залысынами и в форме охранника.

– Да, меня зовут Руслан, и я был начальником кронштадтской военной поликлиники, но это было давно.

– Заур Хугаев, – представился мужчина с залысынами, – я был призван матросом в 1995 году в Кронштадт, где проходил службу в четвертом учебном отряде, когда мы с Вами познакомились. Вы меня еще пригласили в поликлинику, и врач стоматолог Тамара Георгиевна лечила мне зубы по Вашему распоряжению.

Был весьма удивлен тому, что он вспомнил, как звали мою бывшую подчиненную Талалаеву – зубного врача кронштадтской поликлиники. Вспомнить же его самого не смог, как не напрягал память, но было приятно встретить бывшего матроса Кронштадтского гарнизона и тем более-земляка.

Мы поговорили минут десять в кругу его друзей охранников, к нам присоединились женщина и мужчина в идентичной форме, вероятно, из той же охранной фирмы. Приятно пообщавшись с ними, продолжил свой путь, находясь еще некоторое время под впечатлением неожиданной встречи. Несколько раз я пытался вспомнить матроса, но все усилия были напрасны.

Но вот вечером, находясь уже дома, понял, что неправильно вспоминаю. Я пытался вспомнить матроса тридцатилетней давности, срисовывая его с лица взрослого мужчины, а не того восемнадцатилетнего юношу, и как только я переключился в 1995 год, все стало на место – то есть образ хуленького матроса Хугаева мгновенно всплыл в памяти. Но если вспоминать события того года, все же лучше пользоваться хронологическим порядком, а не эмоциями и сумбуром.

В 1995 году полным ходом шла первая чеченская война или, как у нас официально говорили в средствах массовой информации, «операция по восстановлению конституционного порядка в Чечне». Помню основные сводки, передаваемые по телевидению: штурм Грозного, начавшийся в декабре 1994 года и продолжавшийся четыре месяца, установление контроля над равнинными районами Чечни в марте того же года, установление контроля над горными районами Чечни в июне 1995 года, и, наконец, как венец всего этого безобразия – террористический акт в Будённовске в июне 1995

года.

От Владикавказа до Грозного – сто километров, до Назрани, столицы Республики Ингушетия, – всего десять. Трасса федерального значения проходит через Кабардино-Балкарию, Северную Осетию, Ингушетию, Чечню, и все войска двигались именно по ней, прямехонько в зону боевых действий.

А тут в Кронштадте на удалении двух тысяч километров вроде как тишь да гладь, да божья благодать, но это иллюзии. Я сидел за письменным столом в кабинете, когда, постучав в двери, вошел высокий парень в матросской форме. Попросив разрешение войти, поздоровался и неожиданно перешел на ингушский язык:

– Старший, слышал, что ты ингуш, поэтому зашел представиться. Руслан Алиев меня зовут, из Назрани. Получается, мы одной фамилии, они вроде похожие.

Ну, ты, братец, хватил. Фамилии – то разные в любом случае. Но какой напор и нахальство! Экземпляр явно привлек мое внимание своим интересным подходом. Но в любом случае этот матрос меня весьма удивил и развеселил. Вышел из-за стола ему навстречу. Отвечаю ему на его родном языке, что я не ингуш, а осетин. Язык знаю потому, что пять лет прожил в Нижнем Малгобеке (Новом городе). Но судя по выражению лица, он мне особо не поверил. Ну и ладно. Расспросил его о службе, под началом кого служит, есть ли проблемы, и чем я могу помочь. Он попросил моего содей-

ствия, чтобы его оставили служить в четвертом учебном отряде, ибо не умел плавать и абсолютно не переносил морскую качку.

Матросы, прошедшие обучение на шестимесячных циклах, затем распределялись на корабли четырех флотов Советского Союза. В Кронштадте существовала мощная система подготовки классных специалистов. Готовили их в двух учебных отрядах: «четвертом» – в/ч 49357 и в «трех девятках» – в/ч 09990. Каждые полгода они выпускали по две тысячи корабельных классных специалистов на флот. На военных кораблях пять боевых частей (БЧ) и четыре службы, и это построение незыблемо с момента появления в Русском флоте кораблей на винтовой тяге. Боевые части: БЧ -1 – штурманская, БЧ -2 – ракетно-артиллерийская, БЧ -3 – минно – торпедная, БЧ -4 – связь, БЧ -5 – электромеханическая. Службы: медицинская, химическая, радиотехническая и боцманская. Матросов обучали полгода по этим специальностям, и затем уже на кораблях флота они дорабатывали знания и практические навыки еще два с половиной года, доводя их практически до автоматизма. В каждом учебном отряде была команда обеспечения, и Алиев просил меня оставить его служить в этом подразделении, думаю, он просто не переваривал морскую стихию.

Оставить его в Кронштадте было решаемой задачей. Командиром четвертого учебного отряда был мой хороший знакомый. Капитан второго ранга Сергей Иванович Иванов

проживал в квартире на одной площадке со мной на первом этаже нашего девятиэтажного дома. Мало того, что он удовлетворил мою просьбу, оставив его в учебном отряде, но уже через полгода Алиеву было присвоено звание старшины второй статьи, и он был поставлен на должность командира отделения, хотя фактически исполнял должность замкомвзвода. Но должность эта – не моя заслуга, он получил ее за исполнительность и требовательность, в первую очередь, к себе и подчиненному личному составу. Честно говоря, он служил исправно. Его непосредственный командир – мичман Вавилов Игорь – не раз мне докладывал, что доволен им, и никогда не переживал за своего подчиненного и вверенное ему подразделение. По строевой подготовке его взвод всегда был первым, и дисциплинарных нарушений стало гораздо меньше, в чем заслуга Алиева была налицо.

Прошел год. Возмужавший за полтора года службы матрос довольно часто заходил ко мне на работу, и я постепенно ознакомился с его биографией. Призывали его со второго курса Грозненского университета, где он учился на историческом факультете. И еще он танцевал в государственном Чечено-Ингушском ансамбле «Вайнах». Но начавшиеся боевые действия в Чечне спутали все его планы на будущее. Его отец решил, что сыну надо продолжить учебу в университете города Нальчика Кабардино-Балкарской Республики. Не успели, весной пришла повестка, и Руслана призвали на действительную воинскую службу. И попал он в военно-мор-

ской флот, где служат три года. Ему оставалось полтора года до дембеля, и ничего не предвещало беды, но она пришла неожиданно откуда не ждали.

Его справедливый командир мичман Игорь Вавилов погиб в автомобильной катастрофе на Приморском шоссе, возвращаясь в Кронштадт из гостей. Официальная версия его гибели – не справился с управлением. Хорошим человеком был Вавилов, мне откровенно было его жаль. На место Игоря был назначен Загорулько Андрей, молодой мичман, переведенный с учебного корабля «Перекоп». В один из приходов Алиев посетовал на своего нового командира, что тот не может спокойно пройти мимо него, обязательно придерется к чему-нибудь без причины:

– Руслан, вчера Загорулько предложил мне добровольно сложить полномочия замкомвзвода, чтобы мое место занял его земляк Приходько. Я отказался, и он перешел к прямым угрозам и оскорблениям. Думаю, все кончится конфликтом, и если он меня попытается оскорбить, в любом случае вынужден буду дать ему отпор...

Через два дня он пришел ко мне в крайне взвинченном состоянии и доложил следующее:

– Вчера мы остались вдвоем в классе наедине, и мичман стал в открытую провоцировать на драку: «Почему ты меня не боишься? Как ты думаешь, если бы я сейчас закрыл двери на ключ, и мы с тобой подрались, сколько бы ты смог продержаться? Но ты на это не пойдешь, потому что ты, на са-

мом деле, в душе трус!

Твоя смелость – напускная, а копнешь вас, кавказцев, так вы сразу – в кусты».

Рассказанное Алиевым очень возмутило и расстроило. Этот мичман, оказывается, еще тот фрукт, теперь я был почти уверен, что с корабля его убрали не случайно, а именно за его подлую натуру. На флоте таких мерзавцев быстро вычисляют и стараются поскорее от них избавиться. Я посоветовал Алиеву:

– Если этот проходимец опять начнет тебя провоцировать, скажи ему следующее: «Товарищ мичман, если Вы желаете со мной подраться, то я не против. Однако я – Ваш подчиненный, а Вы – мой непосредственный начальник, и мне это не совсем удобно. Но если Вы согласны драться, давайте снимем верхнюю одежду и знаков различия уже не будет. А двери в классе сами закройте на ключ, чтобы я не сбежал от Вас». Ты запомнил, как ему сказать? Ну и хорошо. Когда разберешься по ситуации, доложишь мне о результатах.

Я знал внешние параметры мичмана Загорулько, обыкновенный «западенский» жлоб, ростом выше среднего и весом около ста двадцати килограммов. Значит медлительный, а если судить по фигуре, вроде спортом не занимался. Посмотрим, на что он способен. В результате исхода предполагаемой дуэли я совсем даже не сомневался. Бедняга не знал, что Алиев кандидат в мастера спорта по боксу, и стаж в этом виде у него – пять лет.

Так оно и произошло. В первую же минуту Алиев двумя мощными ударами вырубил своего командира взвода, но через час оказался на гарнизонной гауптвахте. Подлец не сдержал слова и сразу же накатал рапорт на имя командира части. Иванов, не разобравшись, посадил Алиева на гауптвахту и в тот же день своей властью лишил его звания старшины второй статьи.

Но тут вмешался я, подробно изложив Сергею Ивановичу всю историю от начала до конца. Человек он был справедливый, хотя и вспыльчивый. С гауптвахты Алиева освободили в тот же день, но звание не восстановили, командир приказ издал и его уже зачитали всему личному составу в части касающейся. Не мог командир Иванов признать на людях свою ошибку, в один день два приказа издать о наказании и отмене наказания было бы не совсем этично и явно подрывало его авторитет. Все это я объяснил освобожденному Алиеву, сказав напоследок, что так даже лучше, ибо контактов с Загорулько будет теперь гораздо меньше. Я так же сообщил ему, что его переведут во второй взвод, подальше от этого непутевого мичмана.

Но беда не приходит одна, через день вновь позвонил капитан второго ранга Иванов и попросил незамедлительно приехать, ибо в его часть прибыло тридцать пять ингушей и один осетин. Сергей Иванович попросил меня выступить перед этой группой земляков с напутственной и воспитательной речью. Естественно, я согласился и вскоре оказался в

окружении матросов-ингушей. Алиев тут же рядом со мной. Встреча происходила в клубе части. Алиев попросил всех присутствующих земляков внимательно прислушаться к моим словам, когда я начну говорить. Довел до их сведения, в какой должности я работаю в Кронштадте. Выступал я минут тридцать, объяснил прибывшим, что на территории Чеченской Республики продолжается операция по восстановлению конституционного порядка. Рассказал им, как 21 апреля 1996 года ракетами с большого расстояния был уничтожен Джохар Дудаев. Объяснил, что небольшая часть ингушского населения все же поддерживает сепаратистов, принимая участие непосредственно в боевых действиях против федеральных войск. На территории Ингушетии сейчас возникли десятки палаточных лагерей для тысячи беженцев из зоны боевых действий в Чечне. И если их призвали на срочную воинскую службу, надо помнить, что она проходит на расстоянии двух тысяч километров от Ингушетии, и служить надо честно и быть верным присяге и воинскому долгу. В заключение я сказал:

– Вы можете оставаться при своем мнении, вопреки сказанному мной, но каждый из вас имеет за плечами десять классов средней школы. В России сейчас проживает около ста пятидесяти миллионов жителей, а чеченцев всего миллион. Они обречены на поражение, только слепой этого не видит. Да и не все чеченцы поддерживают режим Джохара Дудаева. И поверьте мне, пройдет немного времени, и часть

чеченских тейпов в открытую перейдет на сторону России. А какие потери сейчас несут чеченцы! Численность мужчин в Чечне резко сократилась, а боевые действия уже продолжаются второй год и ничем хорошим не закончатся для многострадального чеченского народа. Боевики потерпят поражение, даже не сомневайтесь, но какие понесет жертвы чеченский народ, сейчас уже можно догадаться. Я, как начальник военной поликлиники Кронштадтского гарнизона, разрешаю каждому из присутствующих лично обращаться ко мне по любым вопросам и в любое время. Вот матрос Алиев прослужил в Кронштадте более двух лет, знает все, и вся о службе на флоте, поэтому советуйтесь с ним чаще, но, я смотрю, он вам уже активно помогает. У меня все, а теперь, не стесняясь, можете задать мне любые вопросы.

Подсел к ним в зал, и они, окружив меня плотным кольцом, еще около часа расспрашивали меня о службе в Кронштадте и о многом другом. Когда мы закончили общение, я попросил Алиева найти мне Хугаева Заура. Через несколько минут он привел мне его и деликатно пытался уйти, но я попросил его остаться. Говорил при нем с Зауром, затем обратился к Алиеву с просьбой:

– Руслан, после осетино-ингушского конфликта отношения между осетинами и ингушами весьма натянутые, поэтому проследи, пожалуйста, чтобы между Хугаевым и прибывшими ингушами не было никаких инцидентов.

Алиев клятвенно пообещал, а слову Руслана Алиева я ве-

рил. На этом и разошлись. Перед уходом из учебного отряда зашел к Сергею Ивановичу и подробно изложил ему содержание встречи с прибывшими из Ингушетии новобранцами. Объяснил, что в целом они хорошие ребята, но с ними надо работать. Каждому в голову не заглянешь, и если у некоторых из них близкие родственники воюют на стороне чеченских сепаратистов, то тем более воспитательную работу надо усилить. Объяснил командиру части, что ингуши и чеченцы относятся к одной родственной нахско-вайнахской языковой группе, и у них немало перекрестных браков, особенно, если они принадлежат к религиозному течению Кунт-Хаджи. Заметив, как Сергей Иванович непонимающе уставился на меня, я понял, что многое из сказанного мною для него – темный лес, и надо будет впоследствии более подробно ему это все расшифровать. Мы тепло попрощались, и я отправился восвояси, то есть к себе в поликлинику.

За три последующих месяца я еще несколько раз встречался с матросами из Ингушетии, и, по моему мнению, они вроде стали вливаться в общевоинский коллектив четвертого учебного отряда и многие определенно проявляли интерес к морской службе. Между прочим, треть призванных имели незаконченное высшее образование. После присяги они стали нести караульную службу по охране военных объектов, и их стали выделять в наряды в комендатуру для несения патрульной службы. И вот тут опять нашла коса на камень! Матросам из Ингушетии при несении караульной

службы оружие не выдавалось. То же самое – в патруле, по уставу матросам положено ношение штык-ножа, но именно их лишали эту привилегии. Они жаловались мне, но что я мог объяснить им по этому поводу, думаю, команда была выше. На этой почве возникали отдельные конфликтные ситуации с остальными матросами учебного отряда.

В августе 1996 года были заключены Хасавюртовские соглашения, и российские войска были выведены с территории Чеченской Республики. Многие тогда расценили это соглашение как слабость российского правительства и федерального командования войск. Но я-то понимал, что эти временные уступки направлены на мирный выход из конфликтной ситуации и не являются проявлением слабости. Что и подтвердилось через три года с началом второй чеченской кампанией в 1999 году, когда контртеррористическая операция приняла гораздо более жесткий характер, и федеральные войска были вынуждены огнем и мечом раздавить остатки сепаратизма в Чечне. Но это будет позже, а в том 1995 году молодым ингушским ребятам кто-то неправильно все объяснил, и они не так восприняли реальную действительность.

И однажды сентябрьской ночью меня вдруг разбудил мой сосед по лестничной площадке Сергей Иванович Иванов, он же командир четвертого учебного отряда, и с досадой рассказал, что все тридцать пять матросов из Ингушетии, наняв междугородний автобус, ночью убыли из воинской части в неизвестном направлении. Я немедленно выехал вме-

сте с ним в учебный отряд для получения более подробной информации о массовом дезертирстве матросов, иначе охарактеризовать эту ситуацию нельзя было. Увидев на территории части Алиева, подозвал его жестом и попросил рассказать, как все произошло. И вот что доложил мне Алиев по их внезапному отъезду:

– Они попросились у командования части музея Ленинграда посмотреть, подготовились к отъезду капитально, сами наняли автобус и гида для поездки в Ленинград. Но после посещения Эрмитажа объявили молодой девушке-экскурсоводу, что их срочно вызывают в часть. Отвезли ее до места назначения, а затем двинули прямо по маршруту Ленинград – Москва – Назрань. Водителю они, скорее всего, предложили такую сумму, что тот не смог отказаться. Меня не взяли с собой потому, что я в этот день заступил в наряд. Они понимали, что я никуда с ними не поеду, и зачем, если мне служить оставалось четыре месяца до дембеля. Об их отъезде я ничего не знал, а если бы даже знал, все равно никому не рассказал бы. Ты же наши законы знаешь не хуже меня...

Логика железная, ничего не скажешь. До Назрани, как выяснилось позже, они добрались в течение полутора суток. Затем все растворились, да так, что никто из них потом не был найден. Но мне думается, их и не искали, просто не до них было. Ведь седьмого августа 1999 года началась вторая чеченская война со вторжения боевиков в Дагестан. И закон-

чилась она только лишь в апреле 2009 года с отменой контр-террористической операцией на территории Чеченской Республики и полным разгромом сепаратистов и их зарубежных пособников. Но я все же считаю, что фактически она закончилась в 2017 году, когда директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации Александр Васильевич Бортников заявил по телевидению, что бандитское подполье на территории Северного Кавказа окончательно разгромлено. И оснований не верить ему у меня нет. Что касается Руслана Алиева, то он уволился осенью 1996 года, и больше я с ним никогда не встречался. Вышел в запас в возрасте сорока шести лет в 2000 году, а через два года окончательно попрощался с Северной столицей.

Офицеры

Весной 1975 года нас, студентов пятого курса Северо-Осетинского государственного медицинского института, собрали в одном из актовых залов, где ректор Агубечир Хатахцкоевич Адырхаев представил нам военного, внешнею напоминающего казаха, в звании полковника медицинской службы инфантерии. Звали его Азамат Махамбетович Ибрагимов, и, судя по имени и отчеству, он все же был казахом, но, когда он начал нас вербовать в слушатели военно-медицинского факультета при Горьковском медицинском институте, мы поняли, что он человек большого достоинства и незаурядного ума. Полковник оказался кандидатом медицинских наук. Говорил он с нами недолго, но по делу, и вроде вышло у него убедительно: «Ежемесячная стипендия слушателя составляет девяносто семь рублей, когда зарплата инженера в пределах ста двадцати. Лейтенант военно-морского флота зарабатывал от двухсот пятидесяти рублей и выше. Питание и одежда – за счет государства. На пенсию офицеры Советской Армии и Военно-Морского флота выходили: майор и подполковник – в сорок пять лет, а полковник – в пятьдесят лет. И размер военных пенсий был несоизмерим с «гражданскими». Отпуск у офицера составлял до пятидесяти суток». Обеспечение жильем было обязательной заботой.

той командования...»

О выступлении казаха я рассказал родителям, и, как ни странно, получил полное одобрение отца. Маме идея не очень понравилась, но в конечном итоге и она согласилась.

Когда одиннадцать студентов пятого курса Северо-Осетинского государственного медицинского института изъявили желание связать свою жизнь с Вооруженными Силами Советского Союза, мы и понятия не имели, какие нас ожидают в перспективе приключения, потрясения и интересные встречи. Нас было одиннадцать смельчаков, решившихся перейти Рубикон и севших на поезд по маршруту Орджоникидзе – Москва – Горький, и умчавшихся наобум в неведомое грядущее.

Из студентов, пожелавших перевестись, уже находясь на факультете, по разным причинам отсеялось еще трое добровольцев. Оставшиеся восемь были распределены по разным взводам, а двое из восьми, я и Аслан Цакоев, выбрали военно-морской флот дальнейшим ареалом службы. Одиноким я себя не чувствовал, ибо рядом со мной на последующие два года обучения всегда находились четыре надежных земляка: Слава Алборов, Тамерлан Толпаров, Руслан Карсанов и Аслан Цакоев, и нас уже называли не студентами, а слушателями. Из нашего уже бывшего Alma Mater и ранее переводились на факультет студенты, то есть мы были не первые, однако это были единичные случаи. Из первопроходцев помню Казбека Дзарахохова, Аслана Алборова, Алика Беку-

зарова и моего старшего брата Тимура. Стать военным врачом можно было, окончив военно-медицинские факультеты Горького, Саратова или Самары. Помню, стипендия слушателям действительно была ежемесячно определена в девяносто семь рублей. Этот факт нас приятно удивил и каждый месяц искренне радовал. А ведь не обманул великий казахский акын Азамат Махамбетович, когда пудрил нам мозги прелестями военно-медицинского факультета.

Через неделю нас переодели в курсантскую форму: Алборова, Толпарова и Карсанова – в зеленые цвета, или хаки, и сапоги, а мы с Цакоевым надели форму морских курсантов. Нам выдали комплект форменной одежды, куда входили: темно-синяя суконная рубаша и такого же цвета фланелевая, летняя белая суконная рубаша, две пары уставных брюк с флотским кожаным ремнем и тяжелой латунной бляхой с выпуклым на ней якорем, две пары хромовых ботинок, две фуражки белого и черного цвета.

Тогда я и узнал в чем особенность военно-морских брюк, она заключалась в отсутствии ширинки, закрывались они спереди фартуком, который фиксировался по бокам на две пуговицы с каждой стороны. Этот элемент одежды чисто русских военных моряков, и был он введен в начале восемнадцатого века петровским морским уставом. С переодеванием начались занятия по строевой подготовке на плацу во дворе, это нас начали готовить к предстоящей присяге. Мы ее приняли через неделю перед входом в административное

здание факультета, где каждый расписался в преданности своему государству до последней капли крови.

Само учреждение военно-медицинского факультета называлось у местных «Красными казармами». Три трехэтажных корпуса, стоящих отдельно на территории, составляли основу факультета: административный корпус, учебный корпус, общежитие для слушателей и еще вспомогательные строения – склады, спортивный зал, столовая. Начальником факультета был добрый русский молодец полковник медицинской службы Дадаев Николай Михайлович, его заместителем по политической части был – полковник Пимбужский Петр Николаевич. Этот Пимбужский вел себя, как «шведише кёниге» – высокомерный индюк и барин. Поговаривали, что его турнули из знаменитой Кантемировской дивизии, что располагалась под Москвой, за какую-то большую провинность. Со слушателями он практически не общался, ему для этого хватало подчиненных «шестерок» из числа политработников рангом ниже.

Нашим курсом руководил полковник медицинской службы Лев Алексеевич Савенков – умный и порядочный офицер, которого по сегодняшней день я вспоминаю с особой теплотой. Как-то мне пришлось в воспитательных целях успокаивать двух нетрезвых слушателей из Одессы со странными фамилиями Ясинский и Муравенко. Я был дежурным, а эти двое устроили пьяный дебош на этаже, приставая к однокурсникам и горланя песни из украинского на-

родного фольклора. Никакие увещевания успокоиться и покинуть помещение, где остальные слушатели готовились к завтрашним занятиям, не помогли, а дело закончилось тем, что мне пришлось дать им пару чувствительных затрещин и отвести обоих в спальню. На следующий день меня пригласил в кабинет Лев Алексеевич, и я подробно изложил ему весь ход событий по вчерашнему инциденту. И вдруг я почувствовал, что в сложившейся ситуации, грозившей мне отчислением, он на моей стороне. Мало того, что он меня поддержал, но им же неожиданно было предложено мне перейти на съемную квартиру в городе, что разрешалось только семейным слушателям. И в ближайшие три дня я покинул общежитие. Квартиру снял в Сормовском районе, помню, что улица называлась имени 22-го Партийного съезда, это тот знаменитый съезд, после которого Сталина ночью вынесли из мавзолея. Вот там и прожил два года до окончания факультета.

Десять взводов вновь поступивших слушателей занимали весь второй этаж здания общежития, третий этаж занимал старший курс, куда нам вход был категорически запрещен, но мы и сами не очень желали к ним подниматься, из-за диких криков и постоянных пьяных разборок. Руководил этим буйным и весьма странным курсом полковник медицинской службы со странной фамилией Ширан Вячеслав Петрович. Ширана они все же побаивались и уважали, подчиняясь ему беспрекословно, но все равно старший курс был какой-то

разболтанный и необузданный, что выражалось в довольно частом злоупотреблении водкой, особенно усилившейся перед их выпуском. Мы на втором этаже свободно вздохнули, когда наши коллеги в новых лейтенантских погонах шумно покинули, наконец, стены факультета. После их выпуска наступила звенящая непривычная тишина.

По окончании пятого курса все двести пятьдесят слушателей были направлены на летнюю практику в разные войсковые части. Мой десятый взвод разделили на четыре части по количеству флотов, и моя группа попала на Черноморский флот.

Когда мы вернулись с практики, на пятый курс уже прибыл новый набор из медицинских институтов. Из нашего института перевелся студент Саша Караев по прозвищу «Смит», я упросил начальника курса разрешить ему проживание со мной на квартире, все-таки одному жить в трехкомнатной квартире было скучно и одиноко. Но основная причина заключалась в другом: квартира была неплохим прибежищем, и терять ее было жаль. Но наш курс в конце лета выпускали, а съемную квартиру должен был кто-то арендовать. Так ее Смиуту и оставил по наследству, ибо в июле меня распределили на Черноморский флот. На моей памяти через факультет прошло десять выпускников офицеров-осетин из числа военных врачей, один армянин – Игорь Тумасов и один кабардинец – Магомед Карданов.

В Севастопольской военно-морской базе я прослужил

пять лет и за это время успел побывать в трех длительных боевых походах в Средиземном море в составе пятой Средиземноморской эскадры. В бухте Северной познакомился с командиром полка морской пехоты Гаглоевым Николаем Петровичем и его двумя сыновьями: капитан-лейтенантами подводниками Володей и Вадимом. Капитан первого ранга Колиев Сергей Каникоевич также был коренным жителем Севастополя, но его вскоре перевели в Ленинград, где он стал преподавать тактику и боевые средства флота в академии им. Н.Г. Кузнецова. В городе осталась его престарелая мать Деменка, брат Валера – главный дерматовенеролог города, и сестра Света – заведующая городским ЗАГСом. В Нахимовском военно-морском училище долгое время преподавал герой-подводник капитан первого ранга Кесаев Астан Георгиевич, он умер в 1976 году, похоронен в Севастополе. Но на малой родине в городе Дигоре Герою Советского Союза А.Г. Кесаеву установлен бронзовый бюст. Когда в Севастополь с недолгим визитом зашел тяжелый авианесущий крейсер «Минск», я нанес визит вежливости командиру авианосца капитану первого ранга Гокинаеву Виктору Александровичу, который впоследствии возглавил Кронштадтскую дивизию Ленинградской военно-морской базы в звании контр-адмирала. С Гокинаевым мы вскоре посетили капитана первого ранга в запасе Юрия Цахилова на дому, он не вернулся на малую родину, а остался жить в Севастополе. Вот тогда я впервые увидел, как кра-

сиво и задушевно поет Виктор Александрович, аккомпанируя сам себе на гитаре. Командиром плавбазы «Волга» более семи лет был капитан первого ранга Гайтов Цара Бабуевич, я был лично с ним знаком, он к тому же являлся близким родственником по материнской линии. В Севастополе на сторожевом корабле «Ладный» служил майор медицинской службы Слава Корнаев, с которым мы в Эгейском море в сильнейший шторм провели полостную операцию матросу Мелехову. На крейсере «Жданов» трудился врачом-хирургом старший лейтенант медицинской службы Борис Цомартов. На дивизионе ракетных катеров служил старший лейтенант медицинской службы Ясон Демеев, он впоследствии перевелся на Тихоокеанский флот и там остался на постоянное место жительства. В Севастополе в научно-исследовательском институте существовал закрытый проект «Дельфинарий» по использованию дельфинов в диверсионных целях, руководил этим НИИ капитан первого ранга Казбек Туаев.

У меня до сих пор сохранилось удостоверение законченного мной заочно севастопольского университета марксизма – ленинизма, директором которого был капитан второго ранга Рудольф Аванесов. Это Рудольф уговорил меня окончить его подведомственное учреждение. На эскадренном миноносце «Сознательный» я сменил начальника медицинской службы старшего лейтенанта Милорда Геворкова, он перешел начальником МОСН Черноморского флота. При передаче дел Милорд умудрился спереть весь спирт из неприкос-

новенного запаса (НЗ), перекачав его шприцом и затем заменив содержимое водой. Через два месяца весь НЗ зацвел зелеными водорослями, это было в боевом походе в Средиземном море. Пришлось докладывать командиру. В специализированной хирургической группе работал врачом-хирургом старший лейтенант Борис Цатурян – любимец женщин и коньяка, мы с ним в одно время даже вскладчину снимали квартиру, так дешевле обходилось.

В 1982 году я перевелся в Кронштадтскую дивизию Ленинградской военно-морской базы в распоряжение контр-адмирала Гокинаева Виктора Александровича. В Кронштадте я познакомился с капитаном второго ранга в запасе Гобаевым Сосланом, подполковником Тотровым Николаем, капитаном третьего ранга Келехсаевым Нугзаром.

В 1987 году поступил на первый факультет руководящего медицинского состава, который с отличием окончил в 1989 году. Этот же факультет в разное время заканчивали: начальник первой поликлиники Генерального штаба полковник медицинской службы Елоев Магомед, начальник медицинской службы седьмой Индийской флотилии полковник медицинской службы Демуров Олег, начальник медицинской службы Таллиннской военно-морской базы полковник медицинской службы Тхостов Аслан, начальник медицинской службы Каспийской флотилии полковник медицинской службы Черчесов Эльбрус, руководители военно-медицинских учреждений полковники медицинской службы Кабисов

Илья, Беликов Мурат, Татаров Александр и ваш покорный слуга в том числе.

Как окончившего с отличием факультет руководящего медицинского состава в 1989 году был послан в Москву на слет отличников всех выпускников военных ВУЗов Советского Союза. Чествования проходили в Георгиевском зале в присутствии министра обороны СССР маршала Советского Союза Дмитрия Тимофеевича Язова и других высших чинов генералитета. Фуршет проходил по-шведски – стоя. Столы были богато накрыты, а в бутылках «Колокольчик» была налита водка. Торжество продолжалось около двух часов. Я успел познакомиться с присутствовавшими земляками: генерал-майором Цаголовым Кимом Македоновичем и генерал-майором Суановым Станиславом Николаевичем. Ким Македонович был уже навеселе, когда мы с ним успели пообщаться среди всеобщего гама и шума, он был весьма прост в общении. Но вот Станислав Николаевич держался несколько особняком, ибо на тот момент он был самым молодым генерал-майором в стране – это звание ему присвоили в тридцать шесть лет!

Отшумели ветра моей службы в военно-морском флоте и пронесли бури региональных войн на территории Российской Федерации. Под руководством Владимира Путина корабль с гордым названием на борту «Россия» удержался на плаву и бесстрашно продолжает бороздить просторы мирового океана, несмотря на враждебность англосаксов и их са-

теллитов. Свою посильную лепту в сохранении обороноспособности государства продолжают вносить офицерские кадры Алании, ибо нам без России никак нельзя. Новые поколения моего народа продолжают быть верными присяге данной когда-то впервые Зурабом Магкаевым, Елисеем Хетаговым и Батырмирза Цопановым императрице и самодержице Всероссийской Елизавете Петровне, младшей дочери Петра I. Им удалось преодолеть многовековую изоляцию и открыть для Осетии путь к могущественной Российской империи и навсегда связать судьбы осетинского и русского народов.

Сегодня, когда на Украине проводится специальная войсковая операция более сорока тысяч сынов Осетии, участвуют в денацификации и уничтожении неонацистов на территории бывшей союзной республики. Более двухсот моих соплеменников уже сложили свои головы на полях сражений с фашистской нечестью. И сегодня же 11 июля 2023 года пришло печальное известие о трагической гибели заместителя командующего 58 армией генерал-майора Цокова Олега Викторовича, вечная ему память.

Интересные встречи - Севастополь

В июле 1979 года в Севастополе в Доме народного творчества (сейчас Севастопольский центр культуры и искусств), что находился на улице Ленина, постоянно проходили концерты и встречи с участием популярных и именитых артистов Советского Союза.

Был теплый безветренный субботний день, когда я вступил на аллею, что рядом с большим фонтаном. Мое внимание привлекло скопление весьма приличной публики, собравшейся вокруг одной из скамеек, но, подойдя поближе, ахнул от удивления и неожиданной встречи с народным артистом страны – Махмудом Эсамбаевым. Вот его-то и окружили плотным кольцом интеллигентные зеваки города, задавая ему всевозможные вопросы, вплоть до каверзных и интимных. В народе Эсамбаева очень любили, и он отвечал тем же, ибо в обращении был весьма прост и доброжелателен. Когда я подошел к собравшимся, услышал, как одна женщина задала ему вопрос об его отношении к популярной певице Алле Пугачевой, и он пространно начал объясняться по поводу Пугачевой, отвечая на ее вопрос, однако закончил весьма неожиданно и откровенно:

– Несомненно, она в перспективе будет великой эстрадной певицей, но в ней все равно есть и, скорее всего, останет-

ся на всю жизнь что-то от работника местной столовой. Вот сейчас я спою, а вы сравните кто из нас лучше выступает.

Он встал со скамьи, пытаясь спеть что-то из оперы «Князь Игорь» композитора Бородина А.П., получилось совсем даже неплохо, и он вновь присел на прежнее место. Окружающие, а женщин на тот момент было большинство, стали громко аплодировать его весьма точной характеристике Алле Борисовне, добавляя к аплодисментам и крики восторга за пение.

Вероятнее всего, Махмуд Эсамбаев только что закончил выступать на сцене и вышел отдохнуть, присев на скамью напротив здания театра, вот здесь его и признали поклонницы его таланта. Думаю, что перед выходом в народ народный артист принял все же немного доброго крымского вина, ибо находился в заметной легкой эйфории. И еще он был в гриме: накладные ресницы и напудренное лицо указывали на то, что он, наверняка, исполнял свой самый сложный танец «Танец Солнца», где он поднимается сидя на корточках в течение пяти минут. Рядом с народным артистом неотлучно находился какой-то капитан второго ранга, скорее всего, начальник Дома офицеров, который безнадежно уговаривал женщин отпустить его подопечного:

– Уважаемые женщины, отпустите его, пожалуйста! Махмуда Алисултановича ждут на обеде в Доме офицеров, организованного в честь его же самого. Командующий флотом ждет и министр культуры там же, и даже два космонавта!

На призывы морского офицера женщины отвечали отрицательными возгласами, выглядело это настолько комично, что Махмуд Эсамбаев заразительно засмеялся над стараниями своего куратора, и тут смеяться начали все, кто его окружал. Подхватив под локоть народного артиста, офицер и его подопечный направились к «Волге», что-то оживленно обсуждая по дороге...

У меня на руках было два билета на концерт, где должны были выступить артисты эстрадного жанра Карцев и Ильченко. Ждал я Галю Духовую – преподавателя музыки в Доме офицеров, в тот период мы с ней встречались и были хорошими знакомыми. Вскоре она появилась, и мы медленно направились в сторону Дома народного творчества, а я стал в подробностях рассказывать ей о случайной встрече с Махмудом Эсамбаевым и его незапланированной пресс-конференции.

Мы прошли уже половину пути, когда мое внимание привлек одиноко сидевший на скамейке молодой мужчина, одетый в темно-синий джинсовый костюм, а на его шее на золотой цепочке свисала массивная серебряная подкова. Обратил внимание спутницы на парня, она вначале ничего не поняла и недовольно потянула меня за рукав в сторону театрального здания. Но я уже принял решение и подошел к сидящему молодому парню:

- Извините, Вы ведь Савелий Крамаров?
- Да, я он и есть.

Видимо, ему изрядно надоели пристающие окружающие, которые, увидев его, начинали кричать во весь голос: «Маня, посмотри кого я встретила! Артист, ну который... «А вдоль дороги мёртвые с косами стоять... И – тишина!» ...

– Уважаемый, Савелий Викторович, я и моя спутница поклонники Вашего таланта, и оба желаем Вам дальнейших творческих успехов в кино! Автограф нам не получить, к сожалению, так как встреча непредвиденная и писать не на чем.

Галя ошарашено смотрит на молодого мужчину и не может поверить своим глазам, рядом с ней известный артист-комик сидит на скамейке в полном одиночестве...

Как всегда, выступления Карцева и Ильченко проходили с неизменными аншлагами. В зале зрители, находясь под гипнозом их диалогов и высшего сценического искусства, смеялись все два часа. Исполнялись известные юмористические номера «Авас», «Раки» и другие.

После окончания концерта у меня появилось желание пообщаться с именитыми артистами, Галя идти со мной отказалась, и я пошел за кулисы один. Они как раз собирались пройти в гримерную, но увидев приближающегося морского офицера, то есть меня, свое движение приостановили и с любопытством уставились на вошедший субъект. Я вежливо поздоровался и представился, они сдержано кивнули в ответ, ожидая звукового объяснения моего появления за занавесом. Объяснение своему появлению я дал в виде вопроса,

как они в течение двух часов умудряются манипулировать залом и в чем секрет их влияния на зрителей. Оба удивленно усмехнулись, наверное, не предполагали, что офицер флота может задать такие сложные вопросы с глубоким смыслом. Ответил мне Роман Карцев. Он попросил меня подойти поближе к ним, затем внезапно расстегнул и снял с себя костюм. Под костюмом оказалась лишь белая манишка с черным бантом на шее и волосатое тело великого артиста. Подав мне нижнюю часть своего костюма, коротко приказал «Держи». Затем начал скручивать свой кримпленовый костюм по оси, на сцену вылилось не менее литра воды.

– Ну что все понял? «Ответили мы на твой вопрос?» — с хитринкой в глазах спросил меня Карцев.

– Да, Роман Андреевич, понял, – ответил я, – хочешь чего-либо добиться, надо пахать на износ.

– Молодец, и если вопросов больше нет, то с Вашего разрешения мы пойдем переодеваться.

Махмуд Эсамбаев скончается в Москве в 2000 году в разгар второй чеченской войны и будет похоронен на Даниловском мусульманском кладбище.

Савелий Крамаров через два года переедет в США, где осядет в Калифорнии. Умрет Савелий Викторович в 1995 году и будет похоронен на еврейском кладбище в Сан-Франциско.

Роман Ильченко скончается в 1992 году и будет похоронен на Аллее актёров Троекуровского кладбища..

На этой же Аллее актёров Троекуровского кладбища будет похоронен. в 2018 году и сам Роман Андреевич Карцев.

Интересные встречи – Санкт-Петербург

В 1982 году я покинул Черноморский флот и оказался в распоряжении командования Ленинградской военно-морской базы, вернее сказать, было бы, ее медицинской службы. Меня определили в славный город Кронштадт, где мне пришлось прослужить еще двадцать лет и там же перевернуть страницу своего пребывания на военно-морском флоте. И здесь мне также довелось встретиться с популярными и именитыми людьми, проживавшими определенный период жизни в северной столице.

Первый адмирал, с кем мне пришлось познакомиться в Ленинградской военно-морской базе, был командир кронштадтской дивизии – он же командир кронштадтского гарнизона контр – адмирал Гокинаев Виктор Александрович, уроженец города Моздока, осетин. Под его руководством я прослужил пять лет, вплоть до поступления в военно-медицинскую академию им. С.М.Кирова. И я горжусь, что мне довелось служить под началом боевого адмирала.

В 1986 году меня, флагманского врача 106 бригады надводных кораблей охраны водного района Ленинградской военно-морской базы, вызвал начальник политического отдела нашей бригады – капитан первого ранга Кулаков Владимир

Иванович и поставил следующую задачу:

– В Петровском парке наша известная эстрадная певица Эдита Пьеха намерена снимать музыкальный клип на свою новую песню. Ваша задача – помочь ей максимально в съемках этого видеоклипа. Еще она просила обеспечить ее молодыми офицерами с их подругами или женами. Они по ходу съемок должны будут танцевать вальс. Так что, Руслан Георгиевич, выполняя приказ начальника политотдела дивизии, поступаешь на три дня в распоряжение Эдиты Станиславовны. Вопросы есть? Вопросов нет. Свободен.

На следующий день состоялось мое знакомство с народной артисткой СССР, которая, прожив в стране Советов тридцать лет, продолжала коверкать некоторые русские слова или произносить их, ставя ударение не на том слоге. Но все же это было так мило – общаться с пятидесятилетней певицей–иностранкой. Эдита Станиславовна свободно говорила на немецком, польском, французском и английском языках. Внешне она выглядела очень хорошо и была весьма привлекательна.

В огороженной красной лентой зоне Петровского парка (ленту я сам протянул) она сидела за столиком, а мы, пять морских офицеров, выделенные для обеспечения ее безопасности и всевозможных желаний, стояли вокруг. На столике перед ней двумя стопками возвышались две большие кипы календариков с ее фотографическим изображением, обе эти горки распространяли запах очень дорогих духов.

Каждая пачка была облита духами в количествах независимо от другой, что создавало контрастный душ для органов обоняния. Она раздаривала их окружавшему ее военно-морскому эскорту и офицерам-статистам, пришедшим с женами, внимательно всматриваясь в наши лица. Я еще обратил внимание, что при этом она расширяла глаза и ноздри, изображая страсть. Думаю, это были издержки ее профессии – артистки и знаменитой эстрадной певицы. Как же я был счастлив и горд, когда она, подозвав меня к себе, шепнула мне на ухо, что ей надо пройти в туалетную комнату. Она взяла меня под руку, и мы с Эдитой Станиславовной прошествовали на пирс, где стояли наши корабли. Когда по трапу изысканно взошла наша знаменитость, обалдевший от неожиданного визита командир корабля сам сопровождал ее в свои апартаменты.

С той встречи прошло сорок лет и навряд ли она помнит капитана медицинской службы, что водил ее на морской тральщик с бортовым номером 136. Недавно народной артистке СССР исполнилось восемьдесят шесть лет.

В 1988 году я познакомился с Бабич Еленой Владимировной, секретарём Кронштадтского районного комитета ВЛКСМ – девушкой интересной и весьма красивой внешности. В том же году ее избрали ответственным секретарём Кронштадтского отделения общества «Знание». После развала Советского Союза она связала жизнь с партией Жириновского. В декабре 1998 году мы были кандидатами в Зако-

нодательное собрание Санкт-Петербурга, но оба не прошли.

Тогда же я познакомился с будущим лидером партии «Справедливая Россия» Сергеем Михайловичем Мироновым. Произошло это на ленинградском телевидении, когда мной было принято решение отдать ему три минуты времени, отведенного мне для выступления перед жителями Санкт-Петербурга. С нескрываемым удивлением и радостью Сергей Михайлович принял мой подарок, сказав, что он теперь мой должник. И когда он был избран депутатом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга II созыва по 12-му избирательному округу, я один из первых поздравил его с победой. Елене Владимировне в 2007 году все же удалось стать депутатом Законодательного собрания Санкт-Петербурга и принять руководство фракцией ЛДПР. Но к тому времени я вернулся на малую родину в Северную Осетию-Алания и мои связи с Бабич Е.В. и Мироновым С.М. были практически прекращены.

13 марта 1988 года в газете «Советская Россия» было опубликовано письмо Нины Александровны Андреевой «Не могу поступаться принципами». Спустя три недели оно было дезавуировано горбачевской газетой «Правда» от 5 апреля в редакционной статье «Принципы перестройки: революционность мышления и действия». Из-за развернувшейся против неё травли Андреева была вынуждена отказаться от работы в институте, а её супруг Владимир Иванович Клушин перенес два инфаркта.

Я в равной мере ненавидел Бориса Ельцина и Михаила Горбачева, первого-за то, что законченный алкаш, второго-за готовность развалить и продать страну кусками кому угодно. Враг моего врага-мой друг. Андреева также ненавидела их обоих, и я поехал знакомиться с ней в Ленинградский технологический институт, затем еще несколько раз посетил ее на дому. Идейным вдохновителем был ее муж, доктор философских наук, он и по возрасту был значительно старше ее. Заметно было, что она прислушивается к его репликам и замечаниям. Платформа у них действительно была сталинская-бескомпромиссная, однако коммунистическая партия к тому времени стала по сути соглашательской и колеблющейся из стороны в сторону. С июля 1991 года Нина Александровна возглавила Большевистскую платформу в КПСС, в ноябре 1991 года – Организационный комитет по созыву XXIX Чрезвычайного съезда КПСС.

На Всесоюзной конференции Большевистской платформы в КПСС летом 1991 года приняли решение о «привлечении М. Горбачёва и его окружения к партийной ответственности за развал КПСС, Советского государства, за предательство дела Ленина-Сталина, Октября, международного коммунистического и рабочего движения». Это прокатило бы еще на XX съезде в 1956 году, когда сталинские кадры только начали уничтожать, но в 1991 году за Родину и за Сталина партийная верхушка уже умирать не хотела, она была уже насквозь продажной и основным принципом избрала

личное обогащение. Поэтому Н.А. Андрееву просто постарались изолировать от общества и практически лишили доступа к народу. Очень жаль! Она умерла 24 июля 2020 года, тело было кремировано, прах в деревянной урне был захоронен на Старом Городском кладбище в г. Петергоф рядом с захоронением мужа.

В 1989 году меня, как слушателя, «на отлично» окончившего факультет руководящего медицинского состава Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, откомандировали на Всероссийский слет отличников, проходивший в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Я впервые воочию лицезрел последнего Министра Обороны СССР маршала Советского Союза Дмитрия Тимофеевича Язова. Торжественная часть на удивление была очень короткой, но фуршет был организован по-шведски-стоя. На столах было все, о чем мог мечтать офицер – икра, балыки, языки, копчености, салаты и водка. Когда столы пустели, официанты – лихие молодые ребята в малиновой униформе ловко снимали скатерти с посудой и всем, что находилось на столах, а взамен накрывалась новая скатерть, и празднество продолжалось...

В феврале 1997 года произошла моя первая встреча с директором пивоваренного акционерного общества «Балтика». Мне позвонил контр-адмирал Гокинаев Виктор Александрович и предложил быть готовым идти завтра на день рождения Боллоева Таймураза Казбековича, который состо-

ится в ресторане таком-то. Выезжать будем по команде, ибо вход в ресторан будет по списку. Старшим в нашей группе был обозначен Виктор Александрович. Встретаться будем перед входом в закрытый ресторан, форма одежды военная-парадная.

В указанное время я прибыл по адресу и увидел Виктора Александровича в полной парадной адмиральской форме, а рядом с ним мужчину, в котором признал своего старого знакомого Казбека Фарниева. Полковник милиции Казбек Фарниев ранее руководил Выборгским отделом милиции на Финляндском вокзале, но затем подал в отставку и перешел на работу в Смольный, и мне было его приятно увидеть. Вспомнил вдруг почему-то, что его мать была из фамилии Лагкуевых. Втроем мы подошли к входу в ресторан, и Фарниев Казбек, коротко объяснив стоящему на дверях «вахтеру» свои полномочия и право поручительства за нас двоих, провел Гокинаева и меня в большой холл ресторана. Номенклатура уровня Боллоева Таймураза, требовала его обязательную и строгую охрану работниками ФСБ.

В ресторане нас собралось около сорока человек. Судя по выправке присутствовавших, добрая половина была из действующих или бывших офицеров. Но все приглашенные были, несомненно, осетинами, что я определил по внешности и разговору гостей. В центре внимания, естественно, был именинник, который подходил по очереди к той или иной группе присутствующих и о чем-то с ними беседовал, затем пе-

реходил с одним сопровождавшим его мужчиной к очередной группе и так далее.

Меня вдруг окликнул Виктор Александрович, я немедленно подошел к нему и неожиданно увидел рядом с ним Боллоева Таймураза и сопровождавшего его парня, который, поздоровавшись со мной, предложил присесть на диван. Виктор Александрович отошел от нас, наверное, так было задумано изначально. Боллоев внимательно смотрел на меня, словно изучая, затем перешел к разговору:

– Руслан, давай на «ты», мы с тобой почти одногодки, нам обоим удобнее будет. В той сложной жизненной ситуации, что сейчас сложилась, я могу выполнить два твоих желания, думаю, мои возможности это позволяют.

– Таймураз, если это возможно, возьми на работу к себе моего старшего брата Тимура и двоюродного брата Ацамаза – кандидата экономических наук, он как раз аспирантуру закончил, им обоим сейчас работа ой как нужна.

Боллоев рассмеялся:

– Они уже полгода, как у меня работают, ты разве не знал об этом? Ацамаз – в бухгалтерии, а твой брат – на складе готовой продукции. Ты о себе подумай, чем я могу тебе лично помочь?

Я объяснил ему, что в 1998 году состоятся выборы в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга и мне хотелось бы попробовать баллотироваться в депутаты второго созыва, но без определенной финансовой поддержки об этом можно

и не мечтать.

Боллоев был откровенно удивлен моим решением баллотироваться в депутаты Законодательного собрания. Но дал твердое обещание помогать мне в предвыборный период. И, честно говоря, свое обещание он сдержал, когда через год я подал свои документы в избирательную комиссию.

Но это начало другой истории. В августе 1998 года произошел дефолт – обвал стоимости рубля, в стране начались митинги и бунты, невыплаты зарплат и разгул бандитизма. Затем началась вторая чеченская война и беспощадное подавление террористических формирований на Северном Кавказе, сопровождавшееся немалыми человеческими жертвами. А через два года я уволился по выслуге лет, то есть в связи с окончанием срока службы по возрасту.

В июле 2023 года Боллоев Таймураз Казбекович вновь возглавил компанию «Балтика», акции которой ранее были переданы в управление Росимущества.

Виктор Александрович Гокинаев – контр-адмирал в отставке выбрал постоянным местом жительства Санкт-Петербург. Несколько лет назад скончалась его супруга Тамара Ивановна, и в настоящее время он проживает с сыном Володицей.

Полковник милиции Казбек Фарниев – бывший начальник Выборгского отдела МВД по Санкт-Петербургу скончался в 2021 году и похоронен на одном из городских кладбищ Ленинграда.

Танцы с волками

В начале девяностых Советский Союз перестал существовать. В стране были парализованы все органы выборной и исполнительной власти. Упразднена коммунистическая партия, ранее руководившая всеми государственными структурами. Когда Борис Ельцин пришел к власти, на улицах и площадях Москвы давали бесплатные концерты, и многие вчерашние лауреаты-перевертыши орали в микрофоны разные непристойности.

Однажды по телевидению показывали, как Ирина Понарбовская кричала в микрофон на Красной площади, что пора вешать коммунистов! Эка, как замахнулась певица, предлагая повесить двадцать пять миллионов членов КПСС, в том числе и меня. Наступило время смуты и беспредела, порядок был полностью разрушен и дезорганизован. Лично меня это застало врасплох, как и многих людей несчастной страны Советов. На тот момент, занимая должность начальника поликлиники Кронштадтского гарнизона, я все же продолжал верить, что скоро этот бардак закончится, и государственные механизмы вновь заработают на пользу и в защиту народа. «Надо будет немного подождать, – думал я, – и сильная личность вновь спасет Россию, как это всегда бывало».

Но период становления несколько затянулся. Кто вчера

были никем, стали всем – в основном, лидерами организованных преступных группировок. Не избежал этого и Ленинград – колыбель русской революции. Власть вначале захватил некий Александр Иванович Малышев, бывший боец. К тому времени он успел убить двух человек и отсидел более десяти лет в колонии, но, выйдя на вольное поселение, вступил в комсомол и раскаялся в содеянном. А тут власть переменилась. И он честно и откровенно создал собственную внушительную по численности армию преступников. Общая численность Малышевской группировки составляла около двух тысяч человек. Но в октябре 1992 года Малышев был арестован. Его продержали в СИЗО три года, и пока он сидел, происходил передел его бывших территорий, сопровождавшийся кровавыми разборками. Чеченцы заняли Кронштадт, Сестрорецк и Зеленогорск. Остальные районы захватил новый лидер Ленинградской ОПГ Владимир Сергеевич Барсуков-Кумарин. Стычки и разборки продолжались.

На площади Рошалья стоял единственный кинотеатр в Кронштадте со странным названием «Бастион». Он был рассчитан на пятьсот посадочных мест, но в кино уже никто не ходил, у всех в домах появились видеомэгнитофоны. Чтобы удержаться на плаву, директору кинотеатра приходилось часть помещений сдавать в аренду. Так появился ресторан под названием «Золотой дракон», очень скоро ставший популярным у жителей Кронштадта. Вход в заведение был по-

середине здания справа, со стороны улицы Рошалья, и, надо честно признать, директриса не прогадала, и в ресторане всегда было много народу.

В тот летний вечер за столом в центре зала сидело четверо чеченцев, они пришли не просто отдохнуть, но и показать свое постоянное присутствие в городе и свою вызывающую значимость. Я знал их всех в лицо, они искренне считали себя старожилами Кронштадта, ибо приехали из Чечни три-четыре года назад в самый разгар первой чеченской войны.

Чеченцы собирались уже покинуть заведение, когда в зал вошло шесть бритоголовых существ в спортивных одеждах, заняв два столика недалеко от чеченского бивуака. Видимо собирались поужинать. Количественное соотношение абсолютно не смутило сынов гор, и они явно передумали уходить. Группе Малышевской братии приходилось все труднее, из Чечни постоянно прибывали свежие силы, а их лидер третий год находился в тюрьме и не мог полноценно обеспечивать безопасность своим бывшим владениям. Постоянные стычки с чеченцами изнуряли их, они теряли бизнес и людей, доходы также стали заметно падать.

В группе чеченцев произошло заметное оживление, первым подал голос Беслан Медаев (говорили на чеченском):

– Это Юра Комаров, я его узнал по деформированному черепу, и он немного заикается, когда волнуется.

Его товарищи заметно повеселели, они участвовали во многих баталиях, и не раз резаные и стреляные, обладали

способностью мгновенно перевоплощаться, превращаясь из людей в звериные особи. Вот и сейчас их охватил животный инстинкт уничтожения представителей чужого племени. Беслан продолжил монолог:

– Амин, Руслан на твой день рождения подарил тебе косточный нож с открывающимся лезвием на пружине, в самый раз проверить его надежность.

В разговор вступил Лечи, огромный детина с глазами удава из мультфильма «Маугли», кстати, и челюсть его была как у Каа (так удава в мультфильме звали).

– Посмотрите, как они на нас смотрят недоброжелательно, словно угрожают. Нельзя нам теперь уйти просто так, еще подумают, что мы их испугались. Короче, Амин, ты ведь мужчина? Давай начинай танец, потанцуй!

– А что, есть сомнения в этом у сидящих рядом со мной? – весело спрашивает Амин.

Разговор приобретает ритуальный характер, в разговор вступает Аслан, четвертый чеченец:

– Амин, может мне завести этих бычков и баранов?

Амин смеется:

– Аслан, у тебя еще не раз будет такая возможность. Ну что, кого вы хотите предложить на заклятие из этих баранов?

Беслан Медаев отвечает за всех:

– Вон тот, самый здоровый и борзый, пожалуй, с него и начнем, затем переключаемся на всех оставшихся.

Амин уже не смеется, лицо его приобретает серьезное и

отрешенное выражение. Он встает и медленно направляется к столикам сидящих поодаль бандитов. Не доходя пяти шагов, опускает руку в карман и достает носовой платок, в котором завернут мой подарок на его день рождения. Нажав кнопку ножа, открывает лезвие и, подойдя к здоровому амбалу, дважды всаживает его с размаха в правый бок, а затем в живот. Больше ему владеть ножом бандиты не дают. Схватив чеченца за руки, отнимают нож и трижды вонзают его Амину в правую половину груди. Амбал и Амин лежат на полу в крови без движения.

Лечи успевает уложить двоих на пол, когда третий, обломив ножку у стула, начинает ею бить его по большеберцовым костям. Боль настолько ужасная, что заставляет его прыгать на месте. Эти прыжки напоминали скорее танец индейцев. Тем же вечером он показал мне разбитые ноги, переломов не было, но кожные покровы изрядно пострадали.

Все прекратил Аслан. Подняв тяжелый стул, одним ударом отключил, наконец, этого настырного мерзавца. Затем ворвался ОМОН (отряд милиции особого назначения) и положил всех на пол. Амбала и Амина увезли в больницу, их обоих прооперировали, затем положили в смежных палатах.

Вечером позвонил Хамзат – начальник отдела уголовного розыска – и предложил подежурить у постели Амина до утра, ибо через палату лежал охраняемый бандитами раненый амбал из их бригады. Отказаться было неэтично, и я немедленно выехал с Галаевым в больницу. Осмотревшись

и оценив обстановку, оба пришли к единому выводу: Амина надо перевозить в Ленинград, подальше от этих бандюг. Я объяснил Хамзату и Амину, что утром его переведут в 1-ый военно-морской госпиталь. Ночью мы с Хамзатом не сомкнули глаз, понимая, что рядом – обыкновенные бандиты-отморозки, абсолютно лишенные романтики и сострадания. Рано утром я вызвал свой санитарный УАЗ-ик, и мы мгновенно перенесли Амина на носилках внутрь него. Через полтора часа Амин был госпитализирован в хирургическое отделение первого военно-морского госпиталя с паспортом Беслана и диагнозом «острый аппендицит».

Для него все закончилось благополучно, и через три недели он был выписан в удовлетворительном состоянии. Последствий по этому делу не было никаких, потому что ни Амин, ни амбал заявлений в милицию не подали. Однако продолжение отношениям имело место.

Через месяц-два после описанных событий рядом с Гостиным двором была назначена «стрелка» между чеченцами и представителями Малышевской группировки, закончившаяся банальной перестрелкой на глазах изумленной кронштадтской публики. Малышевцы стреляли из автоматов Калашникова, чеченцы – из трех пистолетов Макарова, и как результат – четверо раненных и ни одного убиенного. Но самое интересное было в том, что это событие происходило в ста пятидесяти метрах от Кронштадтского РОВД, и ничего, опять обошлось. Эти перестрелки продолжались еще два го-

да. Был убит Ибрагим и ранено около четырех-пяти чеченцев, жизнь у горцев такая: сегодня жив, завтра погиб.

Как говорил Лечи: волка ноги кормят. А ведь и, верно, эмблема чеченцев на знамени – это волк. Уверен, что они и далее продолжали вести бесконечные войны с малышевцами и кумаринцами, но никто ничего не выиграл, ибо все всё равно проиграли бы, как это и произошло в 1-ой и 2-ой чеченской войнах. Выиграл Путин, когда в конце концов восстановил порядок в стране и разгромил все основные криминальные структуры. Что дальше происходило в Кронштадте мне не ведомо, я выехал домой в Северную Осетию. Где сейчас Лечи, Беслан, Аслан, Амин и другие знакомые чеченцы мне не ведомо. Времени много прошло, больше двадцати семи лет. Но честно признаюсь, с интересом вспоминаю иногда тот период своей жизни.

Начало

Однажды пришло осознание того, что продолжать работать в здравоохранении Пригородного района РСО-Алания и писать книги невозможно. Мешала повседневная рабочая рутина, которая подавляла любую творческую инициативу. Надо было сделать окончательный выбор, и в мае 2022 года я, наконец, подал заявление об уходе из сферы медицинского обслуживания населения по собственному желанию.

Желание писать появилось гораздо раньше, однако и тогда служба государева сильно сковывала. В 46 лет вышел в запас в звании подполковника медицинской службы и с должности начальника 102 поликлиники Кронштадтского гарнизона. Но о службе на военно-морском флоте никогда не жалел и не жалею. И историй с приключениями у меня было предостаточно. Флотская служба тяжелая, но почетная и красивая! Единственное неудобство доставляли штормы, плохо переносил качку, но не я один. Ее все моряки, что со мной служили, переносили плохо.

После увольнения в запас и возвращения на малую родину стал работать в гражданском здравоохранении. Имея в голове столько интересной информации и не излить ее на бумагу, было бы непростительным расточительством. Альтернативы не предвиделось и следовало срочно уходить. И лишь

когда оставил работу, я смог на одном дыхании написать четыре книги своих рассказов, захватив эпоху развитого социализма на высоте взлета и его внезапного падения. Действия рассказов происходят в Северной Осетии-Алании, Казахстане, Литве, Поволжье, Крыму, Ленинграде (Санкт-Петербурге), Кронштадте и в акватории Средиземного моря.

Каждая из моих книг состоит из четырнадцати рассказов, написанных в подчеркнуто гротескном изложении. Эту разновидность комического приёма, которая сочетает ужасное и смешное, безобразное и возвышенное, сочетает несочетаемое, переплетает нереальное с реальным, вскрывает противоречия действительности, я одолжил у классиков Н.В.Гоголя, М.Твена и М.А. Булгакова для использования в намеренно сатирических целях. В итоге получилось 58 рассказов в четырех книгах.

Оставалось самое малое – выпустить мои произведения в одной из типографий Владикавказа. Вот тут-то я и услышал звон косы, ударившейся о камень. Напечатать книги в типографиях Северной Осетии-Алании оказалось совершенно невозможным, ибо хозяева владикавказских типографий заломили фантастические цены. Себестоимость одной моей книжки в родной республике составляла пятьсот-шестьсот рублей, то есть тираж в тысячи экземпляров обошелся бы мне в пятьсот тысяч рублей, как минимум.

Не найдя общего языка с руководителями типографий, я задумался, как же быть дальше. Но руки опускать в таких

делах – самое последнее дело. Вдвоем с сыном мы обзвонили все типографии Южного Федерального округа и через день нашли искомое в городе Пятигорске по улице Адмиралтейской, 6 «А» в лице директора Кобякова Александра Павловича и его немногочисленного персонала: брата и сестры, Самсона и Миланы Саркисян – бывших уроженцев города Грозного, оказавшихся в Пятигорске в период наведения конституционного порядка в Чеченской Республике.

Услуги Александра Павловича оказались приемлемыми, и выход первой книги под названием «Я служил на флоте» был осуществлен тиражом в тысячу экземпляров. Через несколько месяцев вышли вторая и третья книги «Хмурый Ленинград» и «Вехи прожитой жизни». Сейчас, когда готовится к изданию четвертая книга – «Кронштадтские этюды», мне подкинули идею – обнародовать напечатанные книги в интернете. В продажу я свои книги никогда не выставял, а раздавал их своим знакомым, а также передавал в организации и учреждения республики для их популяризации среди широких слоев населения. Почему?

Потому, что ранее не было уверенности в нужности моего писательского труда и моих произведений. Что и говорить, сомнения были, но сами читатели их и развеяли, откровенно обсуждая со мной наиболее понравившиеся им места и эпизоды в рассказах. Если признаться, то больше всего я боялся не осуждения моих произведений, как слабых и неинтересных, а обыкновенного безразличия.

Сейчас начал задумываться о романе. Представьте, семнадцатый век, православная Осетия зажата со всех сторон врагами на ограниченном пространстве. Ну прими ты ислам, и жить станет легче. Ведь вокруг одни племена и народы мусульман. Но осетины избрали другой путь. Сюжет вроде бы готов, начал сбор предварительных подготовительных материалов и их внимательное изучение для будущего романа. Но роман написать сложнее, особенно, когда он касается такого раздела, как история твоего народа. Толчком послужила замечательная книга Марка Максимовича Блиева «Осетинское посольство в Петербурге 1749-1752 годы. Присоединение к России».

Однажды, находясь проездом в Нальчике, познакомился с весьма интересным человеком – Русланом Хасбиевичем Ацкановым, директором Государственного казенного учреждения «КБР-Медиа» издательство «Эльбрус», которое занимается в основном изданием книг. Его офис расположился в трехэтажном здании на улице Головки, 6.

В этом же здании на втором этаже – Союз писателей Кабардино-Балкарии, куда, собственно говоря, изначально я и направлялся, желая познакомиться с Муталибом Беппаевым – председателем Союза писателей. Но его секретарь Соня Шарапиевна объяснила, что произошла ротация, и теперь пять лет Союз писателей будет возглавлять кабардинец.

Они, оказывается, чередуются: пять лет у руля организации стоит балкарец, а следующие пять лет должен быть

кабардинец. Я оставил Соне Шарапиевне пять экземпляров своей первой книги для ознакомления членами правления Союза и направился к выходу. Вот на выходе и произошла моя случайная первая встреча с Русланом Ацкановым – поэтом и прозаиком КБР.

Теперь, как только издавалась моя очередная книга рассказов, я сразу же передавал несколько экземпляров в Союз писателей КБР и Руслану Хасбиевичу на руки. Когда привез третью книгу, он познакомил меня с Арсеном и Асланом, ставшими «почитателями» моего таланта. Друзья Ацканова – люди интересные и весьма интеллектуальные. Аслан, например, – доктор наук, его супруга – оперная певица Асият Черкасская, Арсен – именитый журналист. Руслан Ацканов хотел меня познакомить с нынешним председателем Союза писателей, поэтом Юрием Мухамедовичем Тхагазитовым, но не получилось. Обстоятельства не позволили, как он объяснил своему другу Руслану Ацканову по телефону.

В одной из наших встреч Руслан Ацканов подарил мне сборник своих избранных произведений на кабардинском языке, но прочесть написанные им стихи и прозу совершенно невозможно, ибо язык кабардинский не похож на осетинский. Предками кабардинцев-черкесов-адыгейцев (это разные названия одного и того же народа) являются древние племена хеттов. А предками осетин являются скифо-сарматские племена, относящиеся к индоиранской языковой группе. А те хетты, что проживали на Таманском полуострове

и в Крыму, назывались меотами. В настоящее время в России проживает более восьмисот тысяч человек, говорящих на черкесском языке, а в странах Ближнего востока их насчитывается около восьми миллионов. Чтобы я разобрался в истории шапсугов (кабардинцев и так принято называть), Руслан Хасбиевич подарил мне книгу по истории его народа, написанную ученым-историком Опрышко Олегом Леонидовичем.

Когда готовилась к изданию четвертая книга рассказов, я связался с директором типографии в Пятигорске Александром Павловичем Кобяковым и попросил повторить выпуск первых трех книг тиражом от ста до двухсот экземпляров. Ко мне обратилось достаточное количество людей в Северной и Южной Осетии, коим не достались ранее изданные книги, и вот мне пришлось увеличивать тираж с целью удовлетворения желаний моих, пока еще немногочисленных, читателей. Это накладно, но в то же время льстило самолюбию. И я с удовольствием на это пошел. Однако пришлось с изданием четвертой книги несколько повременить. Печатать-то приходилось на свои средства.

Вот я и задумался, а как сделать так, чтобы охватить как можно больше читателей при минимальных затратах.

Идею подсказал мой кабардинский друг Руслан Ацканов на одной из наших встреч в Доме Союза писателей Кабардино-Балкарии:

– Руслан, а если тебе в популяризации своих произведе-

ний применить современные цифровые технологии, я имею в виду использование интернета для контактов с читателями и возможность ознакомления широких слоев населения с издаваемыми книгами. У нас в стране с возникновением интернета многое невозможное стало возможным. Что ты на это скажешь? Тогда тебе тратить вообще не надо. В интернете есть федеральный список членов Союза писателей России по регионам, где указаны контактные телефоны и электронные адреса всех Союзов писателей, в этом нет никакого секрета. Свои три книги ты можешь спокойно отправить в тот или иной город на электронный адрес Союза писателей с припиской – «Я, такой-то писатель, предлагаю вашему вниманию свою книгу рассказов». И никаких затрат с твоей стороны. И самое главное, на твой электронный адрес они отошлют свое резюме после прочтения твоих книг. Разве не оптимальный вариант в популяризации твоих произведений? Вся страна, по сути, будет знать твои книги и тебя лично.

Эта заманчивая перспектива меня привлекла. И я воспользовался его предложением. В течение последующих трех дней мной было отправлено на электронные адреса Союза писателей всех городов России, от Сахалина до Калининграда, мои три книги, напечатанные в электронном варианте.

Через день в моей голове появилась идея отправить рассказы в Союзы писателей бывших союзных республик. Сказано-сделано. Отправил.

Еще через день меня вновь осенило, а если отправить мои рассказы в Союзы писателей в страны дальнего зарубежья, где значительное количество русскоязычного населения. Так мои рассказы, благодаря современным технологиям, оказались в Союзе писателей Израиля, Канады, США и Австралии. Первыми отозвались в Израиле:

– Руслан Георгиевич, Вы не еврей ли будете? Ваши книги нравятся нашим читателям, и можем ли мы их распространить среди читателей? Я дал свое согласие.

Затем позвонили из Союза писателей Северной Америки:

– Руслан Георгиевич, Ваши книги нравятся нашим читателям, и можем ли мы их распространить среди читателей? Я вновь дал свое согласие.

Затем на мой электронный адрес пришло письмо из Союза писателей Калмыкии:

– Здравствуйте, уважаемый Руслан Георгиевич! С большим интересом читаю Ваши книги. у Вас ясный и образный слог, повествование постоянно удерживает внимание читателя, так как в нем описываются события без всяких лирических и прочих отступлений. А события довольно занимательные! Спасибо! Желаю Вам здоровья, новых успехов в творчестве. С уважением, Эрдни Эльдышев.

Затем стали приходиться слова поддержки со всех концов нашей родины:

– Благодарю вас, Руслан Георгиевич, за присланные книги!

С уважением, Андрей Антонов, Кировское отделение Союза писателей России.

– Спасибо. Познакомилась с Вашими книгами.

С уважением, член правления Союза писателей России. Председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России. главный редактор журнала " Краснодар литературный "Светлана Николаевна Макарова-Гриценко.

– Добрый день! Ваше письмо получено. Журнал "Огни Кузбасса" Главный редактор Сергей Лаврентьевич Донбай. Ответственный секретарь – Дмитрий Мурзин

– Руслан я вас поздравляю с выходом книги.

Сергей Кузичкин, председатель правления Красноярского регионального отделения Союза писателей России, редактор альманаха прозы, поэзии, публицистики «Новый Енисейский литератор». Красноярск.

–Добрый день! Книги ваши получили. Передадим их в Приемную комиссию. И будем ждать ее решения. Результат мы вам сообщим. ОГРОМНАЯ ПРОСЬБА: Пришлите, пожалуйста, вашу фотографию: она необходима для членского билета. Заранее спасибо! С уважением, Надежда Юрьевна Чеканович, руководитель СПСА.

А еще через пять дней – 21 сентября 2023 года я был принят в члены Союза писателей Северной Америки.

У нас в стране с возникновением интернета действительно многое невозможное стало возможным. Это заманчивая

перспектива, и она весьма привлекает, но, думаю, я тороплю события, ибо пока необходимо завершить публикацию четвертой книги рассказов.

Биография

Илаев Руслан Георгиевич, 09.03.1954 года рождения город Алагир Северо-Осетинская АССР, подполковник медицинской службы в отставке, врач высшей категории с 1997 года по специальности «Организация здравоохранения и общественное здоровье», с 1994 года «Заслуженный врач РСО-Алания», опыт работы руководящих должностях 23 года.

Тел: 8-961-825-98-47;

Образование:

1987-1989г.г. Командный факультет руководящего медицинского состава при Военно-Медицинской академии им. С.М. Кирова (диплом с отличием);

1975-1977г.г. Военно-Медицинский факультет при Горьковском медицинском институте;

1971-1975г.г. Северо-Осетинский Государственный медицинский институт (4 курса);

1968-1969г.г. Камбилеевская Средняя школа Пригородного района;

1964-1968г.г. Школа интернат №4 г. Малгобек Чечено-Ингушская АССР;

1961-1964г.г. Средняя школа с. Шатой, с. Ведено Чечено-Ингушская АССР.

Профессиональный опыт:

2006-2022г. врач-методист ГБУЗ «Пригородная ЦРБ»
РСО-Алания;

2004-2006г.г. управление здравоохранения при администрации местного самоуправления Пригородного района
РСО-Алания, врач-методист;

2002-2004г.г. председатель комиссии ВТЭК при Министерстве труда и социального развития РСО-Алания;

Ленинградская военно-морская база:

с 2000г. военный пенсионер, подполковник медицинской службы в запасе.

1991-2000г.г. начальник поликлиники Кронштадтского гарнизона;

1989-1991г.г. флагманский врач бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей г. Ленинград;

1983-1987г.г. флагманский врач бригады кораблей охраны водного региона Кронштадтской дивизии;

1982-1983г.г. начальник медицинской службы Береговой Базы Кронштадтской дивизии.

Черноморский флот:

1977-1982г.г. четыре боевые службы в составе Пятой Средиземноморской эскадры;

1980-1982г.г. начальник медицинской службы эсминца "Сознательный";

1979-1980г.г. врач-хирург тяжелого крейсера "Жданов";

1977-1979г.г. врач-хирург плавбазы подводных лодок на корабле управления "Виктор Котельников".

Общественная работа:

2006-2018г.г. Председатель Общественного Совета при МВД России по Пригородному району РСО-Алания.

2006г. кандидат в депутаты Парламента РСО-Алания Пригородного района.

1998г. кандидат в депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга;

1990-1993г.г. депутат Кронштадтского районного Совета народных депутатов;

1983-1987г.г. секретарь партийной организации, секретарь партийного бюро бригады кораблей ОВР Кронштадтской дивизии;

Принимал неоднократное участие в организации выборов компаний в законодательное собрание Санкт-Петербурга, в Парламент РСО-Алания по Пригородному избирательному округу.

Иные виды деятельности:

1998г. по настоящее время. Журналистика. Публиковался в газетах "Новый Петербург", "Вестник Кронштадта", "Северная Осетия", "Вестник Беслана", "Пульс Осетии", "Осетия Свободный взгляд", "Растдзинад", "Глашатай", "Южная Осетия", "Экран Владикавказа", "Территория 02".

В 2021 году вышла книга рассказов «Я служил на флоте»

В 2022 году вышла книга рассказов «Хмурый Ленинград»

В 2023 году вышла книга рассказов «Вехи прожитой жизни»

В 2023 году вышла книга рассказов «Кронштадтские этюды»

Награды:

28 марта 1978г. юбилейная медаль "60 лет вооруженных сил СССР";

13 января 1986г. медаль "За безупречную службу третьей" степени;

1987г. значок "Отличник здравоохранения";

04 февраля 1988г. юбилейная медаль "70 лет вооруженных сил СССР";

24 августа 1994г. заслуженный врач Республики Северная Осетия -Алания;

30 марта 1996г. медаль "За отличие в военной службе" первой степени;

07 июня 1996г. медаль "300 лет российскому флоту";

19 апреля 1997г. звание "Ветеран военной службы";

07 апреля 1998 года юбилейная медаль «адмирал флота Советского Союза Кузнецов»

26 февраля 2007г. нагрудной знак "За содействие МВД" за участие в освобождении заложника Бекоева Г.Д., жителя с. Донгарон;

2008г. именные часы от Министра внутренних дел РСО-Алания за активную работу в Общественном Совете;

19 января 2023 года памятная медаль «1100 лет крещения Алании»;

22 мая 2009г. почетная грамота Главы РСО-Алания за ак-

тивное участие в ликвидации последствий гуманитарной катастрофы в Республике Южная Осетия;

2009г. почетная грамота начальника отдела информации и общественных связей МВД по РСО-Алания за активное участие в освещении событий и предоставление газете "Территория 02" МВД РСО-Алания своевременной и достоверной информации в период агрессии Грузии против Республики Южная Осетия в августе 2008г.;

26 мая 2009г. почетная грамота директора "Кабардино-Балкарского центра медицины катастроф" МЗ КБР за активное участие в организации экстренной медицинской помощи и своевременной эвакуации раненных из зоны боевых действий в период агрессии Грузии против Республики Южная Осетия в августе 2008г.;

10 июня 2009г. благодарность министра внутренних дел РСО-Алания за активную гражданскую позицию и формирование положительного образца сотрудника милиции;

07 мая 2009г. благодарность главы муниципального образования – Пригородный район за активное участие в оказании экстренной медицинской помощи в период агрессии Грузии против Республики Южная Осетия в августе 2008г.

24 января 2011 года благодарность Министра Внутренних дел по РСО-Алания.

03 декабря 2012 года благодарность Министра Внутренних дел по РСО-Алания.

11 ноября 2013 года благодарность Министра Внутренних

дел по РСО-Алания.

05 мая 2014 года благодарность Министра Внутренних дел по РСО-Алания.